

МАРИЗА СЕЙМУР

ИСТИННЫЕ
ЗАБЕРУ
ТЕБЯ СЕБЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари́за Сейму́р

Истинные. Заберу тебя себе

«Автор»

2026

Сеймур М.

Истинные. Заберу тебя себе / М. Сеймур — «Автор», 2026

Мой бывший муж продал меня в рабство алчным и жадным фениксам, которым я должна петь и подчиняться беспрекословно. Я боюсь пытки золотой клеткой, которая меня ждет. И это не фигура речи. У меня появляется надежда на спасение, когда меня похищает властный прокурор, считая, что я — ключ к оружию против фениксов. Эти бессмертные существа в людском обличье давно владеют всем миром, поработав и подчинив Иных — тех, кто не может им сопротивляться, но отличается от простых людей своими способностями. Но и рядом с могущественным прокурором я оказываюсь в ловушке. Он заставляет выйти за него замуж. До последнего не понимаю себя и своих чувств к мужу. Что делать, когда разуму перечит сердце? Я против сладкого плена или хочу остаться в нем навсегда? Узнав чудовищную тайну своего навязанного супруга, я решаюсь на отчаянный шаг...

© Сеймур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Сандра	5
2. Сандра	7
3. Сандра	10
4. Сандра	12
5. Сандра	15
6. Дмитрий	17
7. Сандра	19
8. Сандра	22
9. Дмитрий	24
10. Сандра	27
11. Сандра	29
12. Дмитрий	32
13. Сандра	34
14. Сандра	37
15. Сандра	39
16. Сандра	41
17. Сандра	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мариза Сеймур

Истинные. Заберу тебя себе

*Добро пожаловать в мой авторский мир.
Все события имеют художественный вымысел. Все совпадения
случайны.
Все эмоции настоящие.
Буду рада вашим отзывам, несравненные!
С любовью к своим дорогим читателям,
Мариза Сеймур.*

1. Сандра

Свет софитов слепит глаза. Я не вижу свою публику. Концерт подготовлен крайне плохо. Свет не должен меня слепить и, тем более, жечь кожу.

Это очередной признак мелкой мести Максима Кантемирова. По своей глупости я попала в хищные лапы его отца и семейства, и теперь исполняю свою роль. Роль птицы, пойманной в клетку. Как иронично.

Мне можно только петь и улыбаться, двигаться по приказу режиссера, чей голос я слышу в маленьком динамике в ухе.словно кукла. Шаг вперед, и два назад, покрутить бедрами в такт, как обучал хореограф.

Светооператор жалеет меня и гасит софиты, оставив лишь один прожектор, направленный на меня.

Я вижу людей в партере. Напыщенные чиновники, миллиардеры. Сильные мира сего. И я пою для них. Я, маленькая птичка, которая, чтобы выжить, сделает, что угодно.

Сила моего голоса и тембра доводит их жен до слез. Между песнями мне громко аплодируют и дарят цветы. Это единственные минуты свободы, которыми я могу насладиться.

С содроганием думаю о том, что ждет меня в очередной раз после концерта. Открываю глаза и улыбаюсь сквозь боль и отчаяние. Даже если я попрошу о помощи, никто не поверит, что влиятельный Константин Кантемиров держит меня на жесткой привязи, забирающей у меня остатки воли и желание жить.

Пробегаю взглядом по публике. Знаю почти всех. Ведь это закрытый загородный клуб, и здесь могут быть только те, у кого есть личное приглашение от Кантемировых.

Но одно лицо мне кажется незнакомым в толпе тех, кто предпочитает стоять возле банкетного стола. Рассматривая мужчину, встречаюсь с пронзительным взглядом. Какой холодный и неприятный! Он не раздевает меня глазами, как другие мужчины в зале, не восхищается и не наслаждается концертом. Я словно для него... предмет. Или мишень. Мурашки по коже от этого мужчины! Внешне он хорош собой, не старше тридцати. Атлетически стройная фигура, которую подчеркивает идеально скроенный темно-синий костюм.

Я путаю слова в песне и слышу в ухе крик режиссера:

– Улыбайся, дура!

Улыбаюсь я, улыбаюсь. Делаю вид, что нахожу свою осечку забавной и отшучиваюсь.

Но я знаю, что любое неповиновение, малейшее неподчинение грозит мне жестокому наказанию.

Незнакомец не идет у меня из головы. Снова оборачиваюсь к нему в любопытстве. Что ему нужно?

Но его и след простыл. Как странно. Может, он привиделся мне?

– Благодарю и уходи со сцены! – приказывает мне режиссер.

А я, наоборот, мечтаю, как можно дольше оттянуть момент моего наказания.

Но слушаюсь. Иначе будет только хуже.

«Для вас пела великолепная Сандра Огнецвет! Ваши аплодисменты!».

Ведущий объявляет продолжение праздничной программы в честь Нового года, а я бреду по темному коридору закулисья. Где же охрана? Мне никогда нельзя было уходить одной до гримерки.

Но стоять тоже не могу. Потому что если не вернусь вовремя, или опоздаю, или, что еще хуже, Кантемиров придет раньше меня... не хочу думать!

Как-то слишком тихо и зловеще. Где свет? Где люди? Гримеры, другие артисты? Музыканты, которые играют со мной? Декораторы? Может, я вышла не в ту дверь? Но я не в первый раз выступаю в клубе «Феникс» и знаю его слишком хорошо. Можно сказать, он мне как дом родной. Ведь репетирую я тоже здесь.

Интуиция бьется в истерику. Я не знаю, что мне делать и куда двигаться. Пытаюсь нащупать стену, но вместо этого касаюсь какого-то человека.

– Попалась! – мужской тягучий тембр пугает меня до чертиков. И это не Кантемировы. И не охрана. Я не знаю, кто это!

– Что вам нужно? – заставляю свой голос не дрожать в ужасе. Даже если колени трясутся. Я должна сохранять стойкость!

– Боишься? – тянет загадочно.

– Зачем мне вас бояться? – я вздергиваю подбородок. Так, девочка! Ты – Сандра Огнецвет! Будь гордой!

– Я чувую твой страх. Страх имеет свой запах. Но твой – особенный, – дыхание незнакомца опалает мне шею. Он с шумом втягивает воздух. Я пячусь назад, но он подхватывает меня за талию и притягивает к себе.

Внезапно темнота чуть рассеивается от горящего голубым светом взгляда незнакомца. Он точно зверь, поймавший свою добычу.

– Отпусти меня, – пишу. Вот теперь совсем не владею своим голосом.

– Нет, Александра.

Он знает мое имя. Знает весь порядок после концерта. Где охрана?

– Ты не можешь мне ничего сделать. Только попробуй – и тебя убьют! – угрожаю незнакомцу и пытаюсь вырваться из его цепких рук.

– Кто? – слышу в его голосе ухмылку. Не могу оторваться от его глаз. Он гипнотизирует и одновременно пугает. Я себя чувствую маленьким олененком, попавшимся во время охоты дикому зверю.

– Кантемировы! – произношу магическую фамилию. Никто в здравом уме не будет с ними связываться.

– Значит, я пришел по адресу.

Решимость в его голосе мне совершенно не нравится.

Резкий укол в шею заставляет меня вскрикнуть от боли.

– Что ты делаешь? – я куда-то плыву. Ноги моментально подкашиваются.

– Забираю тебя себе, Александра, – заявляет незнакомец, подхватывая меня на руки, перед тем как я полностью отключаюсь.

2. Сандра

Смазанная картинка врывается в сознание светлыми пятнами.

Моргаю несколько раз, пытаюсь сфокусироваться.

– Дмитрий Николаевич, она очнулась, – окликает кто-то кого-то.

Я лежу в углу какой-то серой и пустой комнаты на узкой кушетке. Заставляю себя сесть. Корсет зеленого сценического платья больно впивается в ребра. Расправляю пышную юбку. Все бы отдала, чтобы переодеться в хлопковую домашнюю одежду.

Зрение обретает четкость. Я вижу перед собой, наконец, стол со стульями от него по разные стороны и дверь. Источником яркого света оказывается мощная белая лампа. Она неприятно трещит и напоминает о детстве, проведенном в детдоме. У нас такие же лампы висели в учебных классах.

Она еще и раздражающе мерцает.

Дверь открывается и в эту комнату заходит мужчина, лицо которого мне кажется смутно знакомым. Напрягаю свою память. Точно. Он был среди гостей на праздничном новогоднем концерте.

Как по заказу, в темноте единственного раскрытого окна распускаются яркие вспышки разноцветных фейерверков.

– С Новым годом! – мрачно поздравляет незнакомец. Веселья в его голосе я не слышу.

– Мы в Москве? – спрашиваю у него. В этот раз его взгляд не такой дикий, хотя, может мне просто тогда что-то привиделось?

Мужчина подходит к моей кушетке и смотрит в окно, засунув руки в карманы идеально сидящих на нем брюк. А я, задрав голову, разглядываю незнакомца.

Его лицо обладает какой-то суровой и первобытной красотой. Твердый подбородок, правильный профиль. Нос чуть с горбинкой, неестественной, правда. Может, ломал его пару раз? Губы средней плотности, но жесткость уголков говорит о том, что он редко улыбается. Стильная небритость только подчеркивает его подбородок и акцентирует внимание на губах. И глазах. Серо-голубых. Сложного холодного оттенка.

Он давно следит за тем, как я его разглядываю!

Смущаясь, опускаю взгляд.

– Сандра Огнецвет, популярная и известная певица. Или же Александра Огинская в обычной жизни. Верно? – я слышу издевательские нотки в его голосе. Мне это не нравится. Очень!

– Вы похитили меня? Зачем? – не отвечаю, потому что он и сам прекрасно знает ответ!

– Если мы будем отвечать друг другу вопросами на вопросы, у нас с тобой диалог не случится, – он подает мне руку. Вероятно, чтобы помочь мне встать.

Что ж, я не против. Ноги, правда, болят в туфлях-лодочках. Тот, кто бросил меня здесь, явно не проявляет чувство сострадания.

Я кладу свою ладонь в ладонь мужчины и удивляюсь, насколько она горячая. Меня бросает в жар, стоит поравняться с ним.

Мы слишком близко друг к другу. Что происходит? Кажется, и он тоже озадачен. Его взгляд темнеет, а я, для уверенности хватаюсь второй рукой за него. Он отрешенно смотрит на мои туфли, потом снова на меня.

– Александра, – я слышала этот голос уже у мужчины, который меня похитил с концерта. Глубокий, низкий, с бархатным тембром.

– Это ты меня похитил! – восклицаю, а он вдруг улыбается.

Он, наконец, сбрасывает с себя оцепенение. И непонятная химия, возникшая только что между нами рассеивается.

– А где крики? Обвинения? Мольбы о пощаде? Пожелания кары? Угрозы? – он подводит меня к одному из стульев и помогает сесть. Затем садится на краешек стола возле меня.

Меня штормит от его близости. Слишком! Это все – слишком!

– Это не возымело эффекта за кулисами, – пожимаю плечами. – Чем дальше я от того места и Кантемировых, тем мне спокойнее.

– Даже так? – он бесстыдно разглядывает меня всю – с головы до кончиков туфель. Я вызываю в нем жгучий интерес. Это опасно для меня. Очень!

– Кто вы? – пытаюсь переключить его внимание с меня на тему разговора.

– Ладно, давай приступать, – он вздыхает и встает со стола. Чтобы фейерверк не заглушал его голос, он закрывает створку распахнутого окна. – Меня зовут Волков Дмитрий Николаевич. Я старший советник юстиции.

– Советник юстиции?

– Прокурор, иначе говоря, – поясняет Волков. Он садится за стол напротив меня. – Итак, Александра, как вы думаете, почему вы здесь?

– Сложно представить. Я не нарушала закон, – меня напрягает, что он перескакивает с «ты» на «вы».

– Смотря о каком законе идет речь, – одна его бровь приподнимается. – Мы же говорим не о людских законах сейчас, верно?

Внутри меня все каменеет.

– Не понимаю о чем вы, Дмитрий Николаевич, старший советник юстиции, – я принимаю абсолютно равнодушный вид. Но руки трясутся. Я их прячу в складках пышной юбки.

– Руки на стол! – тут же рявкает на меня. Я вздрагиваю и слушаюсь.

Я так привыкла подчиняться всем и всегда...

Но вдруг срабатывает какой-то внутренний протест. Я не хочу подчиняться больше. Не с ним я договор заключала!

Я убираю руки обратно на колени и откидываюсь на спинку стула.

Прокурор сверлит меня взглядом.

– А вас семья не ждет? Новый год и все такое, – напоминаю ему, указывая подбородком на окно.

– Я там, где мне нужно, птичка.

Меня передергивает от этого слова. Я стискиваю зубы, чтобы не нагрубить в ответ. Его глаза искрятся. Он знает все мои слабые места и играет на них! Но откуда...

– Поговорим о... фениксах? – наклонившись в мою сторону, спрашивает этот тип. Он мне не нравится! Наглый, холодный, как рыба, хотя и горячий и... Сандра, остановись! О чем это он спрашивает?

– Каких фениксах? – не могу собраться с мыслями.

Он – прокурор. А все вот эти властные структуры принадлежат определенному кругу лиц. Против которых идти смерти подобно.

– Брось, ты прекрасно знаешь о чем я. Кантемировы – одни из них. Не так ли?

– Зачем я вам? – что мне его вопросы и угрозы, если я подвергаюсь гораздо худшим пыткам и унижениям, чем те, на которые способен Волков. Наверное.

– Говорить не хочешь, значит? – устало спрашивает прокурор. – Жаль, мне казалось, что тебе не нравится клетка.

Он хлопает в ладоши. Двое мужчин в черных вязаных масках-балаклавах заносят золотую клетку в мой полный рост. Метром в ширину.

– Откуда у вас это? – мой голос дрожит. От одного ее вида мне плохо.

– Да вот, прихватили из гримерки, когда тебя похищали.

Его равнодушие больно ранит.

– Или освобождали, полагаю? – он встает и подходит к клетке, больше похожей на птичью с резными узорами. – Так интересно. Золото – мягкий металл, его легко гнуть. И прутья такие... больше на беседку похожа, а не на клетку.

Он касается пальцем золотой птицы, украшающей верхушку клетки.

– Из такой клетки легко выбраться обычному человеку. Но тебе это ни разу не удавалось, не так ли? И пытка заключается как раз в том, что нужно стоять, не касаясь золота, да?

Двое мужчин в масках стаскивают меня со стула и подводят к клетке.

– Отпустите! Пожалуйста! Не надо! – умоляю я, рыдая. Я не могу себя контролировать. Не могу ни о чем думать и держать какие бы то ни было клятвы, когда меня тащат в эту клетку. – Я все скажу! Отпустите, пожалуйста!

– Золото – любимый металл фениксов, – прокурор равнодушен к моим крикам. Он хватает мою руку и тянет с жесткой силой к клетке. Прижимает мою ладонь к прутьям, и удерживает запястье.

Я кричу от невыносимой боли. Словно горю заживо. Вокруг моей ладони разгорается пламя, но Волков тут же отнимает мою руку и прижимает к своей груди. Смахивает пламя.

Шрамов нет. Никаких следов. Только запах обожженной плоти свидетельствует о том, что меня только что подвергли изощренной пытке.

– Кто ты такая? – хриплым от потрясения голосом спрашивает Волков.

3. Сандра

Клетку уносят люди в масках. Мы остаемся с прокурором наедине. Я дрожу от поразившей меня боли. Так странно. Я же должна к этому когда-нибудь привыкнуть? Сколько лет я терплю издевательства и пытки? И каждый раз, как в первый.

Я невольно прижимаюсь к Волкову. Да это из-за него мне теперь так плохо и болит рука. И сама же ищу спасения с ним. Мои руки покоятся на его мощной груди. Пальцы ощущают гладкость белой рубашки и дорогого, но очень сдержанного галстука. А под ними – гулко отбивает сильный и быстрый ритм сердце. Кажется, моя дрожь синхронна с его пульсом.

– Александра, – шепчет он, касаясь дыханием моей щеки. Снимает с себя пиджак зачем-то. Я наблюдаю за Волковым, как в тумане, не в силах отойти от него даже на шаг.

Он накрывает пиджаком мои плечи и только сейчас я улавливаю запах дорогого мужского парфюма. Этот мужчина пахнет властью. Он силен не богатством или роскошью. Нет, достаточно его мужественности и убеждений, чтобы он смог пойти напролом. Волков не привык, когда ему отказывают, определенно.

Улыбаюсь своим мыслям. Я совсем не знаю этого человека. Он меня похитил. Подверг пыткам, пусть и недолгим и, по-моему, он сам этого не хотел.

В кофоне его пиджака и объятий мне удивительно хорошо и спокойно.

Поднимаю глаза и... наверное, я это сделала зря. Встречаюсь с его серо-голубым взглядом, ожидая холода и строгости. Но ничего подобного. Его глаза блестят и изучают мое лицо.

– И эту штуку использовали Кантемировы, чтобы подчинить тебя? – я понимаю, что он спрашивает о моей золотой клетке. Киваю, замороженная притягательной, но довольно холодной внешностью прокурора. – И что они требовали взамен?

Мне нравится, что он говорит о Кантемировых и их клетке в прошедшем времени. Значит ли это для меня, что я больше к ним никогда не вернусь? Возможно. Будет ли это моим спасением? Вряд ли. Все властные структуры в подчинении у фениксов. И Волков в том числе. Его бы не допустили к праздничному мероприятию, на котором я пела, если бы он не был из числа «своих».

Доверять этому мужчине нельзя.

– Вы сами называли меня птичкой. А что ждут от послушной птички?

Прокурор прищуривается. Пару секунд молчит, чтобы прикинуть, а потом выдает:

– Петь? – его брови взлетают вверх от удивления. – Зачем они заставляют тебя петь?

– Им просто нравится мой голос? – я и сама никогда этого не понимала, если честно. – Нравится управлять людьми, словно игрушками?

– Судя по тому, что мы только что увидели, ты не совсем человек, Александра, – он нехотя отпускает меня и отходит назад. Садится на подоконник и продолжает меня изучающе разглядывать, словно дикий зверь. – Ты из числа Иных, но с такой природой я не встречался.

– Простите? – я фыркаю от этого бреда.

– Ну, существование фениксов ты же не будешь отрицать? Ты обещала мне, что все расскажешь. Или клетка тебя сделает более разговорчивой? – и как он из чуткого и понимающего мужчины превращается в скотину? Козел!

– Не буду. Они есть. И да, Кантемировы – одни из них, – выдаю. Делаю вид что пиджак Волкова соскальзывает случайно. Я еще прохожусь по нему, слегка вытирая подошвы туфель.

Он очень.. слишком хладнокровно смотрит на то, что я делаю!

А зачем я это делаю?

Не знаю! Я в невыгодном положении. Он в любую секунду может притащить клетку или вернуть обратно Кантемировым с ремаркой, что я предатель и нарушила клятву, данную фениксам – никогда никому о них не говорить.

Но люди ведь не идиоты.

– Ты очень любишь дерзить, я смотрю.

– Я не люблю, когда нормальный человек превращается в козла.

– Птичка крылышки отрастила? – издевательски хмыкает. А я сажусь обратно на стул. Ноги устали.

Волков открывает окно и морозный воздух ночной Москвы сразу же врывается в помещение.

Да, мне холодно. Но поднимать его пиджак не буду!

– Какая разница? Я ведь знаю, чем это все закончится. Вы либо меня убьете, либо вернете Кантемировым. И все продолжится. Так почему единственные минуты моей свободы я не могу провести с достоинством?

Он хмурится. Я никак не могу его раскусить. Все ходит вокруг да около. А что ему нужно от меня – тайна за семью печатями.

– Расскажи, в чем заключается их удовольствие пытать тебя и петь?

– Вы же были на концерте. Вы сами должны были видеть.

– Я был слишком занят. Впрочем, ты тоже. Даже слова у песни забыла. И меня запомнила, – его теплая улыбка любой лед растопит. И он заметил мою оплошность на концерте. Да, он в этом виноват напрямую. – Сандра Огнецвет поразительна и очень талантлива, и я получил своего рода удовольствие. Но оно не настолько сильное, чтобы держать тебя в клетке ради твоих песен.

– Пение – это моя свобода, Дмитрий Николаевич. Я же не выступаю в клетке. И там, на сцене, я могу быть собой. Если концерт сольный – то минимум полтора часа отдыха.

– Значит, самый сок, когда ты в клетке? – попадает в яблочко. Неудивительно. Прокурор же!

– Иногда они делают из этого представление и зовут своих друзей на званый ужин. Спокойно и счастливо едят, пока я стою в клетке посреди их огромного стола в особняке на Рублевке.

– Шутишь? – кажется, я смогла его удивить. Его лицо застывает, губы сжимаются, а глаза опасно темнеют.

– Зачем мне шутить? В моих интересах рассказать вам все ужасы, чтобы вас мучила совесть, когда будете возвращать Кантемировым.

Волков соскакивает с подоконника и очень резко подходит ко мне. Нависнув надо мной, наклоняется. Держится одной рукой за спинку стула, другой упирается в стол. Я будто в капкане.

– Александра, – выдыхает мое имя так, что у меня мурашки по спине бегут. И я пока не понимаю – нравится мне это или нет?

– Да? – гордо держу спину прямой. Он критически низко наклоняется ко мне. Наши лица в миллиметрах друг от друга.

– Ты наверное не слышала. Или неправильно поняла меня в гримерке. Я же сказал – я забираю тебя себе. Никаких Кантемировых. Теперь ты в моей власти.

Я сглатываю, осознав, наконец, что Волков может делать со мной все, что угодно. И никто за меня не заступится.

4. Сандра

– С каких это пор твоя структура не подчиняется им? – совсем осмелев, задаю очень резонный для себя вопрос. Иначе говоря, даю понять Волкову, что легко различаю его блеф.

– Им? Фениксам? – он смеется. Ужасающее и притягательно одновременно. Но резко отсекается и вдыхает воздух у моего лица, будто втягивает мой запах, а затем опускается к шее. – Интересно, – бормочет, затем снова смотрит на меня в упор, будто хочет сожрать – не меньше. – Мы все им подчиняемся. Весь мир в их власти. И ты это прекрасно знаешь.

– Тогда зачем тебе я? – наконец, тоже перехожу на «ты». Для такого «близкого» общения я больше не вижу смысла сохранять официальный тон.

– Что если я устал от этого? И хочу знать их слабые места? – шепотом спрашивает меня. Его дыхание касается моей шеи, расплавляя во мне странное и неуместное тепло. Я совсем с ума схожу, похоже. – Кажется, одно из них в моих руках.

– Я – просто их развлечение. Не больше, – сопротивляюсь. Этот безумец обречен. И он потащит меня в ад за собой.

– Меня осведомили, что ты в курсе, как ослабить их. И даже знаешь, как их ранить и обезвредить.

– Тебе нагло соврали, – огрызаюсь. Такую небылицу я бы даже с больным воображением не придумала.

– Мои осведомители никогда не ошибаются, Сандра Огнецвет, – мрачно говорит Волков и выпрямляется, отпустив спинку моего стула.

В этот момент один из мужчин в маске открывает дверь, объявляя:

– Машина готова, Дмитрий Николаевич.

– Все расчистили? – уточняет Волков.

– Да. И здесь. И возле дома.

– Отлично.

Прокурор протягивает мне руку, предлагая встать.

– Готова отпраздновать Новый год?

– Я никуда с тобой не пойду. Тебя убьют, а на мне потом отыграются, – это правда. Этот «смертник» сразу получит приговор, как только фениксам станет известен его замысел. И сделают это те, кто страшнее Кантемировых. Гораздо страшнее.

– У тебя нет выбора. Хотя нет, вру. Есть.

Сглатываю комок в горле от льда в его голосе и взгляде.

– Ты либо идешь по своей воле и все будет хорошо. Или...

– Я не пойду с тобой, – повторяю.

Мужчина в маске надвигается на меня, но Волков его останавливает жестом и словами:

– Я сам.

Вскакиваю со стула, как только прокурор подходит ко мне.

– Ну, что вы, Дмитрий Николаевич. И так за нас всю работу сделали, – сетует его помощник

– Она – моя. Никому нельзя трогать! – едва не рычит на своего подчиненного Волков.

Я в ужасе. Надо бежать отсюда. Срочно!

А дальше? Снова к Кантемировым? Еще и клетку, может, свою прихватить?

Не знаю. Как только Волков сокращает расстояние до меня, я ловко изворачиваюсь, чтобы не попасть к нему в руки и бегу к открытому окну.

– Саша! Ты что творишь? – орет прокурор, стоит мне закинуть одну ногу на низкий подоконник.

Смущает его обращение ко мне. Саша. Такое человеческое. И простое. Как дома. Оглядываюсь, сбита с толку его интонацией. Он психует, потому что переживает за меня, а не потому что я ослушалась.

Потому что могу причинить вред себе.

Кто этот мужчина на самом деле?

Думать дальше просто не успеваю – Волков тянет меня на себя и перекидывает через плечо.

– По-плохому, значит! – ругается громко, с силой держа мои ноги.

Я задыхаюсь. Мало того, что этот корсет дурацкий ребра сдавливает, теперь еще и трахея сжимается о плечо Волкова.

– Отпусти! – стучу его по спине и ерзаю, удивленная его силой. Его руки и тело очень горячие! Слишком!

– Ты сделала свой выбор, – заявляет Волков и несет меня куда-то, пока я пытаюсь найти удобное положение.

– Это выбор без выбора! – пишу.

– Заткнись и успокойся, а то будет хуже!

Его обещание остужает мой пыл.

Безвольно болтаюсь, пока он тащит меня вниз головой.

– Отпусти! Я поняла все. Отпусти. Я пойду нормально. Ногами, – молю, потому что уже красные круги плывут перед глазами.

К моему счастью, Волков останавливается и осторожно спускает меня со своего плеча. Я всем телом соскальзываю по нему, пока ноги не находят твердую почву. пышная юбка цепляется за пряжку его ремня. Из-за волос ничего не вижу, но чувствую жар, исходящий от Волкова. Мы слишком близко... тесно... жарко... душно... И почему он не убирает свои проклятые руки с моих бедер? Напротив, прижимает меня, держа за них, еще теснее к себе.

Я пытаюсь вырваться из его непристойных объятий, но он удерживает меня, будто в силках.

– Еще раз выкинешь нечто подобное – пожалеешь, – угрожающе шепчет мне на ухо. Проверять не хочу. Но и он... такой... я будто под электрическим напряжением рядом с ним.

Киваю, поправив волосы, потому что отвечать сил нет.

До меня только сейчас начинает доходить безвыходная ситуация в моем положении, в котором оказываюсь не по своей воле!

Волков отпускает мои бедра, отходит и поправляет на мне юбку, и даже корсет подтягивает.

– Зря мой пиджак сбросила, – упрекает ворчливо и даже как-то заботливо. Я теряюсь от перемены в его настроении.

Помощник в маске приносит ему пальто. Растерянно осматриваюсь. Мы стоим в слабо освещенном холле современного здания со стеклянными дверями и панорамными окнами. Вокруг – люди Волкова, человек пятнадцать, и он сам. Больше никого.

Прокурор накидывает на меня свое пальто и обнимает меня за плечи, притянув к своему боку.

– Сейчас будет холодно, но нужно потерпеть до машины.

Он открывает мне дверь и пропускает вперед.

Нас ждет представительская черная машина с затемненными стеклами недалеко от каскада широких мраморных ступеней. Но Москва сегодня «балует» жителей сильной метелью. Я в туфлях. Ноги тут же застывают. Да и скользко очень на каблуках. Ожидаемо, что я, едва сделав шаг, падаю, но Волков тут же подхватывает меня и берет на руки.

– Я смотрю тебе это нравится? Быть у меня на ручках? – смеется он, пока я судорожно обхватываю его шею. В розоватом от снега ночном небе столицы продолжают взрываться фейерверки.

И, кажется, в моей душе тоже происходит нечто подобное.

Потому что мне и правда нравится, когда Дмитрий носит меня на руках.

5. Сандра

– Куда ты меня везешь? – спрашиваю у Волкова, устроившегося рядом со мной на заднем сиденье.

– Новый год праздновать! – усмехается он и утыкается в свой телефон. Краем глаза замечаю, что какая-то женщина отправляет ему свое полуобнаженное фото.

– Полагаю, что тебе есть с кем отмечать Новый год, – ехидничаю

– М-м, уже ревнуешь? – он улыбается еще шире, а я мысленно ругаю себя. Зачем сама напрашиваюсь? Сама же разжигаю его интерес...

Но и, признаться честно, Дмитрий меня тоже беспокоит.

Много мужчин ухаживали за мной и пытались добиться расположения в моменты, когда у меня бывали спокойные дни – выходные для восстановления, как называли их Кантемировы. Без отдыха, по их мнению, мой голос портится. Да и внешность звезды тоже нужно содержать.

В такие моменты ухажеры не давали мне прохода. От звезд до крутых бизнесменов. Но никто совершенно не вызывал у меня такого тягучего теплого отклика.

И вот вроде я должна ненавидеть Волкова, ругаться с ним, ожидая, что с ним моя участь может быть хуже, чем у Кантемировых.

Но не хочется. От него исходит опасность и властная аура силы. Это потому что он прокурор. Понимаю.

Но и не только в этом дело.

Да, он похитил меня. А если иначе сказать – спас. Я ожидала серьезной кары и мучений после концерта. Я – особенная гордость для Кантемировых. Меня бы не отпустили до утра, или пока не потеряла сознание.

Вместо золотой клетки, меня везут на заднем сиденье роскошной машины. А мужчина рядом слишком красив, умен, хитер и... если он будет чуточку хорошим, мне не спастись.

– Вот еще, – фыркаю на Дмитрия.

Он убирает телефон в карман брюк и достает что-то из отсека в подлокотнике. Шампанское!

– Мой водитель вежливо позаботился, узнав, что Новый год придется отмечать в машине, – положив бутылку себе на колени, достает еще откуда-то два бокала. – На, держи, пока я открываю.

Его сильные пальцы ловко справляются с пробкой. Я не могу отвести взгляд от этого зрелища и прихожу в себя лишь когда он разливает шампанское по бокалам.

– Саша, ты держишь? – уточняет, но наливает осторожно. – Прохладненькое. Прелесть!

– Я не буду пить, – отрезаю. Мне не нравится находиться так близко рядом с Дмитрием. И запах его тоже мне не нравится. Эти цитрусовые нотки, смешанные с ванилью, перцем и чем-то там еще, лучше не вдыхать.

Не нравится!

Взгляд его очень сложный.

Я в капкане собственного безвыходного положения. Иначе бы меня не тянуло так к нему. Совершенно верно!

– Саш, ты слишком напряжена. Смотри в окно, любуйся фейерверком и попивай шампанское. Наверное, ты привыкла к роскоши и захватывающему празднику, но пока придется отмечать именно так.

– Никакая я тебе не Саша, – продолжаю на него фыркать, хотя...

Я ведь вредничаю просто так. Просто потому что могу.

И прокурор не знает, что это лучшая встреча Нового года, наверное, за всю мою жизнь. Хотя нет, было пару раз, но так давно, словно и не со мной...

– А как же тебя называть?

– Сандра. Все меня так зовут.

– Я – не все, – Волков забирает из моей руки бокал с шампанским. Наши пальцы соприкасаются друг с другом и это... мы будто наэлектризованы. Это невозможно!

Наверняка все дело в моем воздержании, и вот, когда появился очень привлекательный мужчина – этого я отрицать не могу, меня начинает штормить.

– Сандра – это совсем другой типаж девушек. А ты... несколько от них отличаешься, – самодовольно проговаривает Дмитрий, чокаясь со мной. – С Новым годом, Александра!

– И чем же? – игнорирую его поздравления.

– Потом расскажу, – он подмигивает. – Или покажу.

Нахал!

– Не бойся. Шампанское первоклассное. Зная Геннадия, он низкопробное пойло мне не купит, – он указывает подбородком на мой бокал и отпивает из своего. – Или тебе было бы удобнее на брудершафт?

– Мне нельзя пить. Кантемиров мне голову оторвет, если узнает.

У меня и правда спазмом схватывает горло, будто душить кто-то начинает.

– Здесь его нет, – веселость с лица Дмитрия тут же сходит. – Почему он запрещал?

– Потому что голос портится. Даже от грамма алкоголя. Ему нужно, чтобы я пела чисто, – я набираюсь смелости. В конце концов, я уже «совершила побег», худшего проступка и не придумать. Так что шампанское – это мелочи жизни.

Принюхиваюсь к напитку в бокале. Пузырьки весело искрятся. Когда я в последний раз могла спокойно отметить Новый год? Или беззаботно общалась, попивая шампанское?

Ощущение, что весь мой разум и личность стерли за годы пыток и боли.

У меня не осталось радости, мелких мелочей, моментов счастья...

Лишь страх, что очередной день принесет мне еще больше страданий и наказания за какую-нибудь необдуманную ошибку.

Зажмурившись, делаю глоток кисло-сладкого напитка. Пузырьки щекочат язык, я их вдыхаю и закашливаюсь, ощущая покалывание в носу.

– Саш? Все хорошо? – беспокоится прокурор. Он похлопывает меня по спине, но я отмахиваюсь.

Делаю неожиданное открытие, что мне нравится, когда он касается меня. Становится будто спокойнее, и тревога пропадает.

Улыбаюсь ему, искренне, по-настоящему. Не понимаю, как отношусь к нему, и страшно, что он может меня обмануть и подставить в любой момент, но выхода иного нет. Можно просто наслаждаться коротким мгновением.

– Шампанское в нос попало, – поясняю, наконец.

Волков не улыбается в ответ. Напротив, он очень серьезен. А его рука задерживается на моей спине.

– Не надо больше так улыбаться, – вдруг приказывает мне.

– Как? – не понимаю.

– Будто тебе все это нравится. Меньше не обманешь. Ты по-прежнему боишься, – цедит сквозь зубы и залпом опустошает свой бокал.

Глотаю слезы, когда он убирает от меня руку.

Моя жизнь слишком ненормальная, чтобы привлечь в нее что-то хорошее.

– Я не боюсь тебя, – обиженно отворачиваюсь к окну.

– Очень зря, Александра, – его холодная интонация вызывает мороз по коже. Но нет. Не дожидается!

6. Дмитрий

Это настоящая пытка находиться рядом с ней. В непосредственной близости. Вдыхать ее запахи. Следить за каждым движением, взглядом. Прислушиваться к ее дыханию.

Изучать ее.

Как она пьет. Улыбается. Настораживается.

Голос необыкновенный и чистый. Но, конечно же, не настолько фантастический, чтобы держать ее ради него в плену.

Да, я готов ее слушать часами, но... это другое.

Полина была права в том, что это ценный приз для нашего клана.

Но кое-что никто из нас не предусмотрел.

Александра Огинская быстро становится моим магнитом. Центром притяжения.

Мы часами просматривали ее выступления, изучали материалы и биографию, следили за каждым ее шагом. Словно хищники, почуявшие добычу. Готовы были выслеживать до победного конца

Я засыпал и просыпался с одной единственной мыслью – как забрать ее себе?

Увидев ее вживую на концерте, я не смог перепоручить ее похищение своим людям, хотя все было продумано до мелочей.

Смотрел на нее, как замороженный, после стольких дней преследования. Я надеялся, что это банальный адреналин или, может, всплеск дофамина от предвкушения выполненной цели.

Словно последний прыжок перед тем, как поймать жертву, когда она уже почти у тебя в зубах.

Я должен был *сам* почуять страх своей добычи. Схватить ее. Унести.

Сам.

Но все оказывается гораздо хуже.

Александра скрещивает ноги, обнажив их в длинном вырезе платья.

Сглатываю. Поморщившись будто от боли, отворачиваюсь к окну. Закрываю глаза и все равно вижу эти удивительно длинные, стройные и изящные ноги.

Нахрена я достал шампанское? Еще и сам выпил...

Это агония от того, что я не могу позволить себе лишнего. Схожу с ума.

Или могу?

– Куда мы едем? – Саша задает вопрос. Саша. Никакая не выдуманная Сандра. Мне хочется обнять ее, защитить, согреть собой... поделиться этим своим полыхающим пожаром. И делать другие чертовски приятные вещи.

Может, у нее особенный запах? Феромоны, которые путают мое сознание?

Или... Она – мое помешательство? Как песня, на которой заикливаешься и не можешь выбросить из головы?

Уговариваю себя, что боюсь ее потерять из-за важности миссии.

Но нет. Ее особенность для миссии пока не очевидна.

Тогда что это за помутнение? И почему так нравится постоянно притрагиваться к ней?

– Не хочешь отвечать? Или я должна бояться и помалкивать? – допытывается до меня. Забавная синеглазка. С Кантемировыми она себя так не ведет, однозначно. Она наклоняется ко мне, касаясь шелком светло-русых волос моей руки на подлокотнике.

Наши лица слишком близко.

Саша, ты даже не представляешь, насколько опасную черту стремишься пересечь!

Волчий капкан схлопывается в ту же секунду.

Для нас двоих.

– Ты сейчас поедешь ко мне домой, – не отклоняясь, говорю, задевая дыханием ее лицо.
– Я с тобой спать не буду!

Усмехаюсь.

– Ты слишком предсказуема, Александра.

Женщины! Уверены в своей абсолютной неотразимости и мужской слабости перед природой.

Но как бы я себя не удерживал, от ее слов меня бросает в еще больший жар. Я физически хочу ее. Очень.

Мне ее нельзя! Пока не провернем одно дело, а там... можно будет все... Она прикусывает нижнюю губу. Как птичка тут же отскакивает от меня.

Чует хищника. Но все равно дразнит. Неймется ей.

– Не заставишь, – ворчит и выпивает залпом оставшееся шампанское.

Похоже, она явно противоречит своим мыслям. Она тоже хочет меня. Сильно. Я в восторге от этой крошки. Скольжу взглядом по ее безупречно красивому лицу, достойному обложки всех гляцевых изданий. Кожа идеальная, я уверен, что даже сценический слой косметики не скрывает изъяны, а лишь подчеркивает природную красоту. Мягкие и полные губы манят к поцелуям.

Взор спускается к ее шее и ниже, к очень откровенному декольте и пышной груди. Она часто дышит, взволнована. Будто напрашивается на ласки.

Что ж. Всею свое время.

Но надо уточнить у Полины. Вдруг этот дурман – один из ее талантов. Не зря же фениксы так обожают ее.

– Саш, я еще ни одну женщину не принуждал спать со мной, – предупреждаю. – Они все идут ко мне в постель добровольно.

– Очень за них рада!

– Не сомневаюсь, – вытаскиваю бутылку из подставки и подливаю шампанское в ее опустошенный бокал, который она стискивает пальцами до побелевших костяшек. – К сожалению, еды в машине нет. Подожди до дома. Там тебя встретят, как самую дорогую гостью.

– А ты? – ее взгляд чуть затуманивается от алкоголя, а голос и правда понижается, обретает бархатные и хриплые нотки. Черт... так еще сексуальнее!

– Улажу кое-какие дела вначале. Мы разминемся с тобой буквально на полчаса. А может, я еще успею тебя догнать.

Улавливаю в ее глазах тревогу.

– Ты в безопасности от фениксов. Я обещаю тебе.

– Не уверена, что меня это успокаивает.

Машина останавливается.

– Приехали, босс, – сообщает мой телохранитель и водитель Геннадий.

– Доверяю тебе самое ценное, – наказываю ему. Знаю, что старый волчара не подведет.

– Куда ты? – беспокоится Саша и неосознанно цепляется за мою руку. Какая же Саша хрупкая, ранимая... я качусь в пропасть.

Надо сделать все, чтобы запутать следы и Сандру Огнецвет хватились не раньше утра. Пока мы были в штабе, мои люди все подготовили, заменив людей Кантемировых и полностью инсценировали отъезд певицы в элитную гостиницу с отдельным шале неподалеку.

А теперь мне нужно вернуться и пообщаться с Кантемировыми.

И решить для себя, что делать дальше с Александрой Огинской.

7. Сандра

Меня раздражает присутствие Дмитрия рядом... во всех смыслах. Я неспокойна. Меня бросает, как шлюпку в штормовом море от одной эмоции до другой.

Его самонадеянность и самоуверенность бесят. Но и без него мне... плохо.

Страшно до жути.

Странное состояние. Ведь с ним как будто есть завтра.

А без него – нет.

Я молюсь, хотя раньше никогда этого не делала, но сегодня вдруг среди моего беспробудного отчаяния появляется маленький лучик надежды.

– Я вернусь, Саш. Еще успею тебя взбесить и напугать до чертиков, – усмехается Дмитрий, погладив меня на прощание по лицу.

А вдруг не вернется?

Он захлопывает за собой дверь. Я вздрагиваю. От неожиданности.

Водитель прокурора, Геннадий, кажется, возвращается за руль. Я смотрю сквозь затонированное стекло на Дмитрия. Он садится в черный «Гелендваген» на пассажирское сиденье сзади, а с ним в машину человека три. Позади стоит еще один внедорожник. Очень похоже на то, что они отправляются на какую-то важную разборку. И Дмитрий в одной рубашке...

– Геннадий! Пальто для Дмитрия, – вспоминаю, что он отдал его мне. А сам может заболеть.

– Не беспокойтесь за него, Александра Федоровна. У Дмитрия Николаевича потрясающее здоровье. А вот он точно не обрадуется, если вы замерзнете или простынете, – Геннадий сигналит, водитель «Гелендвагена» отвечает ему и еще моргает.

Волнение сдавливает грудную клетку и не позволяет сделать полный вдох. Что за страх такой? С каких это пор незнакомец, обладающий властью, похитивший меня, становится моим маяком? Почему с ним так спокойно? Не должна ли я бояться его?

Шампанское ударяет в голову. Вместе с волнением и голодом играет со мной злую шутку. Я просто отключаюсь.

– Марк, я дома! – радостно сообщаю, заметив обувь мужа перед входом у коврика. Никогда не ставит на полочку!

– Алекса, солнышко, проходи! – доносится его голос с кухни.

Я очень устала на работе, и безумно рада, что приготовление ужина Марк взял на себя.

– Как дела? – спрашивает он меня, орудуя лопаткой – кажется, сегодня стейк. Не очень люблю его, но сегодня мне все равно.

– Дети в школе решили меня довести. Разве что на партах не танцевали, – плюхаюсь на стул у круглого небольшого стола в ожидании ужина.

– Эта работа не для тебя, – снова заводит старую тему муж.

– Марк, я не в настроении, давай потом, – прошу его.

– Нет, сейчас самое время. Завтра нас ждет новое будущее.

– О чем ты? – беспокоюсь. Завтра суббота и, может, Марк построил какие-то планы на выходные?

Но он загадочно улыбается и отмахивается.

После ужина, я еле доползаю до кровати. Марк пытается разжечь во мне страсть, но у меня совсем нет сил. Он обиженно отворачивается от меня, а я сладко засыпаю.

Я еще не знаю, что это последняя ночь, проведенная на свободе...

Но сон смазывается и появляется другое видение.

Я маленькая девочка. И еще не в детдоме. У меня есть мама и папа. Выключен свет, и только лишь гирлянда на живой сосне играет разноцветными огоньками. Мы втроем смотрим на яркие цветки фейерков за окном и загадываем желания.

– Сашенька, милая, будь счастлива, – целует меня в макушку мама.

А утром я просыпаюсь одна. Жду родителей целый день. Но их все нет.

Зато приходит какой-то человек в полицейской форме. Он добрый. А вот две женщины рядом с ним – нет. Они недовольны, что праздник приходится проводить на работе. Меня куда-то увозят. Я сопротивляюсь, крича, что мама с папой будут искать меня. Нельзя уходить из дома.

Но по прошествии лет, мама с папой меня так и не нашли, и что с ними случилось я не знаю до сих пор.

– Саш, очнись! – кто-то трясет меня.

Я отрицательно качаю головой. Не хочу!

Так хорошо сплю...

– Саша, ну не смешно уже. Новый год проспичь, – мужской бархатный голос греет меня своей ласковой добротой.

Разве я ее заслуживаю? Разве кто-то когда-то отнесся ко мне по-доброму?

– Так, Огинская, я понимаю, ты напрашиваешься на ручки, да? Опять?

Открываю один глаз.

На уровне своего лица вижу интересные глаза. И шикарную ухмылку. Великолепный мужчина, умеющий своим появлением менять мой сердечный ритм.

– Дмитрий? – доходит до меня, наконец. – Но ты же уехал.

– Я же говорил, что догоню, – он подает мне руку и я, держась, выхожу из машины. Холод пробирает до костей. Заворачиваюсь в пальто прокурора, вдыхая его запах. Все внимание привлекает к себе этот невероятный мужчина. Он по-прежнему в одной рубашке без галстука. И ему не холодно.

– Где мы? – спрашиваю у него. Не тороплюсь забирать ладонь. Напротив, наши пальцы переплетаются и эта небольшая нежность вызывает у меня табун приятных мурашек.

– Дома.

Мы и правда стоим у крыльца большого особняка. Не помпезно-вызывающего, как у Кантемировых, а у красивого загородного особняка, в котором, судя по размерам, собирается большая семья. Дизайн не кричащий, но очень современный – с обилием стекла, дерева и простого камня. Там наверняка есть еще и большой двор с огромной елкой посередине.

Золотой свет льется из окон, ожидая гостей. Я слышу музыку и чувствую запах мяса на гриле. Праздник в самом разгаре. Интересно, сколько времени?

– Очень красивый дом, – восхищенно делюсь впечатлениями с Дмитрием.

– Ты еще внутри его не видела. Пойдем.

Мне вообще сложно на что-либо смотреть, когда Волков вот так вот улыбается, затапливая меня какой-то негой и слепой радостью.

Он поддерживает меня и помогает подняться по ступенькам крытого крыльца. Хотя бы не скользко – уже радует.

Ноги в туфлях гудят. Мечтаю избавиться от платья и обуви, но, кажется, мне не скоро улыбнется удача.

Внезапно широкая двойная входная дверь распахивается. А на пороге появляется восхитительная девушка в элегантном блестящем, расшитом пайетками, серебристом платье, подобно змеиной чешуе.

– Дима! Наконец-то! Сколько можно ждать! – возмущается она и вешается на шею прокурору. Замечаю на ее руке обручальное кольцо и, наконец, до меня доходит, кто это. – Если ты хотел меня наказать, то у тебя отлично получилось! Весь праздник отмечаю одна!

Дмитрий, отпустив мою руку, обнимает девушку. Крепко.

Меня прошибает ярость.

Как он мог флиртовать со мной, когда дома его ждет жена?

Козел. Как есть. Моя интуиция мне все верно подсказала.

– Полина, ты не против, если к нам присоединится Сандра?

Я вздергиваю подбородок. Как же унижительно! И для меня, и для Полины!

Она отпускает Дмитрия и легким движением руки приводит свои роскошные темные волосы до плеч в порядок. Затем робко улыбается и протягивает мне руку для знакомства.

– Полина Волкова, – представляется она, а у меня пол из-под ног уходит.

8. Сандра

– Давайте в дом, скорее, а то Саша замерзла, – подталкивает меня в спину Волков. Я уворачиваюсь от его прикосновений. Как же неприятно это все!

– Конечно! Давайте к столу! – делает приветственный жест Полина и пропускает нас.

– Я не голодна, – протестую и отказываюсь идти дальше.

– Что на этот раз? Не нравится цвет стен? – усмехается Волков.

– Ты сам прекрасно знаешь!

– Не знаю, – качает головой и стаскивает с меня пальто, даже сквозь сопротивление.

– Как это мило, – Полина мягко смеется. – Дим, она тебя ревнует ко мне.

Пускаю гневный, насколько могу, взгляд в сторону девушки.

– Хм...

– О, не утруждайся. Это весь твой словарный запас, – фыркаю на Дмитрия.

– Когда дело касается тебя, я сразу теряю дар речи, – подмигивает он мне и притягивает к себе за талию. – Не переживай. Полина – жена моего брата. Если я хотя бы позволю себе какой-нибудь лишний взгляд на нее, он оторвет мне голову.

– Да мне все равно! – упираюсь руками в грудь Дмитрия. Чувствую его сердцебиение. Гулкое, точное, резкое, как он сам.

Отвлекаюсь на боль в ногах. Скоро случится катастрофа, если я их не сниму.

– Ты можешь ходить босиком. Здесь теплый и чистый пол, а в гостиной и столовой расстелены пушистые ковры, – Полина словно читает мысли, зная все наперед обо мне.

Она идет, обернувшись, и подмигивает, будто владеет всеми моими секретами.

– Полина, прекрати лезть к ней в голову! – вдруг обрывает ее Дмитрий, заслонив меня собой.

– А что ты мне сделаешь? – игриво спрашивает она и уходит, оставив нас с прокурором одних.

Дмитрий поворачивается ко мне и смотрит исподлобья, словно пытается что-то во мне разгадать.

– Я не женат, и никогда не был, если тебе так это интересно, – вдруг выдает мне информацию о себе. Вот зачем мне это знать? Я не хочу... я не...

Но внутри все растекается жидким медом, стоит ему подойти ближе и приобнять. Сумасшествие какое-то.

– Полина – психолог? Криминалист? Улавливает мимику? – переключаюсь на другую тему для разговора, но руки Дмитрия на моей талии очень сильно отвлекают от любой рациональности.

– Что? – он усмехается. И делает это слишком дьявольски... порочно. Прекрасный момент и время, чтобы запасть на мужчину, который меня похитил. Ну, скажем, условно похитил. – Нет. Она не психолог.

– Тогда кто?

– У тебя правда болят ноги? Хочешь донесу тебя до праздничного стола? – он уже наклоняется, чтобы вновь поднять меня на руки, но я отскакиваю от него.

– Расскажи, что происходит, и я пойду. Обещаю, – хватит, пожалуй, с меня эмоциональных качелей на сегодня.

– Полина – медиум, эмпат и экстрасенс.

– Очень смешно, – закатываю глаза. Действительно, неужели ничего получше придумать не может?

– Я не шучу. Ты спросила, я ответил, – Дмитрий говорит совершенно серьезно. Ни грамма улыбки. Но что для прокурора спрятать эмоции? – То есть существование фениксов тебя не смущает, а экстрасенс для тебя – шутка?

– Фениксы – это просто орден фанатиков, любящих редкости, власть и деньги, а ты мне говоришь про сверхъестественное проявление силы у обычного человека.

Он – психопат?

– погоди, ты правда не знаешь ничего? А почему у тебя такая реакция на золото? – Волков удивленно таращится на меня. Ну, вот, сейчас поймет, что зря организовал цирк с моим похищением.

– Муж говорил мне, что это генетическая мутация, вызывающая сильнейшую аллергию и мгновенные ожоги.

– Муж? – бровь Дмитрия приподнимается.

– Бывший, вероятно. Хотя документы на развод я не подавала, – мысленно ругаю себя, что рассказываю о себе слишком много.

– Проверим, – обещает за чем-то прокурор. Разве ему это нужно?

– Дима! Долго ты еще будешь допрашивать Сандру в коридоре? – прерывает нас Полина, появившись в проеме гостиной. – У нас звезда в гостях. Где твое гостеприимство?

Я, тем временем, привыкшая к роскоши в обществе Кантемировых, с любопытством разглядываю окружающую обстановку. Темно-изумрудного цвета стены холла хорошо сочетаются с деревянным полом и декором из живых растений. Минималистичных картин в простых черных рамках и статуэтки, сделанные под античный стиль создают утонченную атмосферу.

– Ты неплохо смотришься в моем доме, – отмечает вдруг Волков.

– Странно, что жена твоего брата заправляет здесь всем на правах хозяйки.

Не узнаю себя. Зачем ворчу? Какое мне до этого дело?

– К сожалению, мой брат пропал без вести, а Полине безопаснее жить здесь. Все равно большую часть времени я живу в городе. Работы много, – терпеливо отвечает на выпад Дмитрий.

– Ты думаешь, что к исчезновению твоего брата причастны Кантемировы? – становится мне понятным, наконец, почему он идет против могущественных фениксов!

– Полина видит, что мой брат жив. И след ведет к фениксам. Он точно у них.

Дмитрий протягивает ко мне руку ладонью вверх, и я послушно вкладываю в нее свою. Наши пальцы переплетаются, снова разжигая небывалый пожар во мне. Не думала, что я буду когда-нибудь реагировать на мужчину именно так.

Дмитрий отводит меня в гостиную, в центре которой возвышается большая елка, стильно украшенная, будто из каталога. Синие и серебряные шары и декор развешены по просчитанной симметрии. Сама елка светится сотнями белых лампочек, даря присутствующим и домочадцам новогоднее настроение.

– Как красиво! – восхищаюсь, то ли самой гостиной, то ли ёлкой, то ли... мужчиной, который держит меня за руку. А он улыбается мне широко и расслабленно.

Я впервые за много лет чувствую себя в безопасности.

– Мы накрыли стол в столовой. Ты не против? – спрашивает меня Полина и кивает в сторону еще одного проема.

– Я давно не отмечала Новый год. Поэтому не знаю порядков.

– Что ж, теперь будешь, – делает “предсказание” Полина.

Когда мы попадаем в уютную столовую при слабом освещении но с большим столом, сервированным на четверых, Полина спрашивает:

– Где мой муж? Я вижу, что ты причастна к его исчезновению.

9. Дмитрий

Мне не нравится, как Полина разговаривает с Сашей. Не просто не нравится. Слишком слабое слово для того, чтобы передать мои чувства.

Я взбешен. Адреналин зажигает мою кровь, распаяя ее в венах.

Пuls учащается, дыхание тоже.

– Александра не причастна к исчезновению Сергея! – с нажимом проговариваю Полине, а затем отодвигаю стул от стола, приглашая Сашу сесть.

Птичка смотрит на меня с испугом, рассеянно. Но доверяет мне. Понимает, что я не причиню ей вреда.

– Мне лучше знать, – вздернув нос, Полина садится напротив Саши. Я – во главу стола.

После того, как мой брат пропал, Полина поселилась у меня. Это имело еще и практический смысл. Сообща нам легче вести поиски. Но и желая найти мужа, Полина, порой, переходит черту.

Саша, прежде всего, моя гостья. А свое отношение к ней она может засунуть куда подальше.

– Сандра и тебя очаровала? – продолжает язвить Полина.

– А кого я еще очаровала? – Саша возвращает внимание к себе. Я невольно люблю ее красотой и ярким взглядом? Очарован ли я? Я в нокауте. До какого-то необъяснимого безумия нравится эта женщина.

Я считываю и ее сигналы тоже. Она тянется ко мне, жаждет понимания, но и объяснить себе свою тягу ко мне, человеку, похитившему ее, не может.

– Она думает, что ты очаровываешь голосом людей, и они делают все, что ты им скажешь. И Сергей попался точно также, – пытаюсь ей объяснить.

– Глупости. Я известная певица. Мой голос в любом случае будет очаровывать, – отказывается верить в происходящее Саша.

– Сергей поехал на интервью с тобой, перед тем, как исчезнуть, – продолжает настаивать Полина. – После моих видений, он очень хотел поговорить с тобой.

– Он – журналист, – отвечаю на немой вопрос в глазах Саши. Она хмурится. Ей не нравится эта тема, но она хочет разобраться. И это мне нравится в ней больше всего.

– Но я не даю интервью. И не давала. Никогда и никому. Даже в письменном виде. Если такое и было, то заранее записанное под неусыпным контролем Максима Кантемирова. Каждое слово было согласовано, прежде чем я его говорила. А что за видения?

Мы с Полиной переглядываемся. Я с мыслями – «Я же тебе говорил», а она – «Я не понимаю».

И тут же меня будто ножом полоснули. Рассказ Саши отзывается во мне болью. Как певица она стала популярной не так давно, года три назад. Значит, все это время она поет, говорит, дышит и, в принципе, живет, только когда ей это позволено. Сколько терпения и силы в этой хрупкой и прелестной девушке? Сколько боли она способна выдержать?

Да, гарантии, что Саша говорит правду, нет никакой. Однако...

Я верю ей. На уровне химического состава воздуха понимаю, когда она лжет и изворачивается, и когда говорит правду.

Эта способность, в принципе, меня высоко по карьере подняла.

В повседневности тоже очень часто выручала.

– Давайте праздновать, – пытаюсь перевести тему и поднимаюсь, чтобы открыть шампанское, которое охлаждается в ведерке со свежим льдом. Нет, Полина точно знала, во сколько мы явимся. Иначе бы бутылка с дорогим французским вином плавала в воде к моменту нашего появления.

– Праздника в нашем доме не будет, пока Сергей не вернется домой. Ты обещал помочь его вернуть. Обещал! А вместо этого притащил...

– Александру Огинскую, ставшую жертвой фениксов. Возможно, также, как и Сергей, понимаешь? Ты сама говорила, что нужно выкрасть ее. Ты прекрасно знала, что я явлюсь домой с ней. И отдавала себе отчет в том, что Сергея с нами не будет.

– Я ничего не видела! Ты знаешь, что мои возможности слабы! И чем сильнее малыши внутри меня со способностями своего отца, тем слабее становятся мои!

– Да как же! Точное время, когда мы прибудем ты рассчитать смогла, а будет ли с нами Сергей – нет? – не должен я кричать на нее.

Пробка вылетает из бутылки в моих руках. Шампанское обливает меня. Рубашка мгновенно намокает. Пена стекает ниже на брюки.

Саша подает мне тканевую салфетку, но я отмахиваюсь. Она не отчаивается и прикладывает эту салфетку к моему животу, промакивая шампанское.

Я застываю.

Меня от ее прикосновения током шарахает. Хрен знает, что со мной творится!

И я шокирован своей порочной надеждой, что ее руки спустятся ниже...

Эта женщина изводит меня. Вытаскивает наружу всю мою первобытную суть, оставляя единственное желание – утащить ее в темное логово и любить, пока силы не иссякнут.

– Александра! – почти рычу ее имя, но сдерживаю свою гортань. – Сядь!

Она резко одергивает руки.

В пах очень некстати приливает кровь от прикосновения Саши.

В ее взгляде читаю обиду, но и какого черта! Знала бы она, в какой опасности находится!

А может... ей самой нравится?

Поэтому часто дышит?

– Спасибо. Сядь, пожалуйста, – говорю мягче, хотя едва сдерживаюсь. – Пробка давления не выдержала. Бутылка очень холодная – ждешь долго, – обращаюсь к Полине. – А лёд холодный, свежий.

– Стала бы я тебя обманывать, Дима! – восклицает Полина. – И я не меняла лёд!

– Значит, это сделал кто-то из прислуги, – я заглядываю в ведро – лёд прямо на глазах покрывается белым инеем. – Что за...

– Очень холодно стало, – дрожа, говорит Саша.

– Как странно, – Полина отстраняется, зрачки сужаются. Я знаю этот взгляд. Ее экстра-сенсорные способности невероятны, но сейчас они и правда приглушены из-за ее беременности.

Третий месяц пошел. А я до сих пор не нашел своего брата. Хорош прокурор!

Еще до его исчезновения, Полина указала на Сандру. И Серега, дурак, полез в это пекло, не предупредив, решив, что ему, журналисту, все дороги открыты.

Но все, что касалось Сандры Огнецвет, было окутано мрачной тайной. И нельзя было никак подступиться.

Сандра нужна нам не в качестве дорогого трофея. Видения Полины были конкретны. Сандра – ключ к смертоносному оружию против фениксов.

Вот только сам ключик не знает, к какому замку подходит.

Да и я... смотрю на нее и задыхаюсь. Еле держусь, чтобы не заправить ей волосы за ухо и не поцеловать. Ни одна женщина не делала из меня гормонального подростка. А от этой все внутри перекручивается.

Я даже на беременную женщину, жену своего брата, ругаюсь.

– Не кричите, пожалуйста, – просит Саша. – Не стоит ссориться из-за меня.

Из-за нее, может, стоит и революцию устроить.

Но держу свои мысли при себе.

– А ты и правда не в теме, – усмехается Полина.

– Что ты видишь? – беспокоюсь безумно за Полину. Тем более сейчас, когда ее видения так редки, и могут навредить моему племяннику.

– Вижу, что Сандра по-прежнему нам очень важна, и нельзя ее возвращать фениксам ни при каких условиях. Но они могут предложить тебе обмен.

– Обмен? – восклицает Саша.

Я ловлю ее руку и крепко сжимаю. Не отпущу! Моя!

– Пойдем, переоденемся.

– Моя одежда будет маленькая, – ехидно улыбается Полина.

Я чертовски голоден, Саша тоже. Еще и трясется. Но, кажется, идея отметить Новый год провалилась.

– Я свою дам. Пусть нам с Сашей принесут еду в мою спальню, – распоряжаюсь, уводя Сашу из столовой.

– Я могу и здесь поесть, – упирается моя пленница и выдирает ладонь.

Что ж, мои нервы на исходе. Я делаю резкий выпад и хватаю ее на руки. Она, чтобы не соскользнуть и не упасть, тут же обхватывает меня за шею.

– Ты будешь есть там, где я тебе скажу, – чувствую себя последним уродом, говоря ей это. – Не переживай, нападать на тебя не буду.

– А иначе в клетку посадишь? – с вызовом спрашивает.

Мои губы расплываются в ухмылке. Но я не озвучиваю свои мысли, потому что они ей очень сильно не понравятся.

10. Сандра

Он расплавляет меня одним лишь взглядом. Он жесток, но я сама нарываюсь. И хочу еще препирательств с ним. Мне нравится, как он злится на меня, но за этими эмоциями не следует наказания.

Дмитрий несет меня с суровой решительностью на лице, а я почему-то еле сдерживаю улыбку. Да нет же! Не сдерживаю.

– Все же на ручках ты сговорчивее, – ворчит он, поднимаясь со мной по лестнице.

Бедный мужик, его спина сегодня проходит через настоящие испытания.

Я, конечно, рядом с этим внушительным качком как тростиночка, но я не шупленькая и форма у меня приличная. Многие певицы такие маленькие и хрупкие, что я им иногда завидовала – как же им просто работать в паре с танцорами.

Но и для меня нашелся тот, кто не замечает, сколько я вешу.

Сам, вернее, выкрал, негодяй!

Против ли я? Не знаю. Меня невероятно смущает Полина и то, что она говорит и делает.

Не верю я ни в каких экстрасенсов, и магию всю вот эту. Но и при этом не могу объяснить поведение фениксов. Для чего им так важно, чтобы я пела или кричала в клетке?

Поднявшись на второй этаж, Дмитрий проходит в правое крыло и толкает плечом прикрытую массивную дубовую дверь.

Мы оказываемся в просторной спальне, в которой одну стену полностью занимают окна. Не знаю, какой вид – его полностью скрывает ночная тьма, но предполагаю, что невероятный.

Дмитрий ставит меня ноги.

Мягкий золотой свет окутывает широкое пространство. Большая двуспальная кровать посередине. Серые стены все отделаны деревом в тон всего дома. Комод и тумбочки слегка наполняют спальню. Еще есть телевизор и аудиосистема, но без особых личных вещей. Висит пара бессмысленных картин. В углу у самого выхода из спальни, две двери.

Дмитрий демонстрирует мне ванную и отдельную гардеробную.

– Если хочешь, можешь пойти в душ.

– Неправильно, если Полина будет отмечать Новый год одна, – сама не верю себе. Не знаю этих людей, а слова Полины пока только способны ранить, но я не чувствую от нее злобу. Она расстроена за мужа. Это нормально, наверное.

– Сам решу, что мне делать, – огрызается мне, распахивая дверь в гардеробную. – Я переоденусь, а то от меня воняет, как от алкаша.

– От элитного алкаша, – шучу я, а его брови снова танцуют танго, выгибаясь от моей непредсказуемости.

Я просто нервничаю. Мне сложно находиться рядом, вернее, так близко с Дмитрием. Он волнуется.

Я хочу его.

Меня шарахает от последней мысли. Я смотрю на него дольше приличного, и если я не разорву наш дурацкий контакт глаз, у меня будут очень большие проблемы.

Что за чертовщина?

Сумасшедший прокурор, верящий в экстрасенсов, похищает меня от одних из самых влиятельных людей Москвы, ему это абсолютно сходит с рук. И...

Во всем этом есть небольшие ремарки – он заботится обо мне. Переживает, когда мне холодно. Но да, я важная игрушка в его руках, очень удобная, для обмена на его брата.

– Сейчас найду тебе одежду, – чуть понизив голос, говорит Дмитрий. – Будет большая, но не выпадешь. Главное, чтобы трястись перестала. А то раздражает!

Скидываю с себя туфли и ступаю на пушистый ковер из овечьего меха. Мои ноги благодарны мне за это. И мне так все равно на ворчание невыносимого мужика.

Но почему?

Почему, стоило Максиму Кантемирову произнести – «не трясись, раздражаешь», я застыла, словно статуя? А когда говорит Волков, мне хочется его пнуть от души. И обидно до слез, да.

С Кантемировыми никакой обиды. Я у них выполняла роль заводной куклы, которая совершает ожидаемые действия.

– Вот, – отвлекает Дмитрий меня. Он подает мне спортивный хлопковый серый костюм и белую футболку. И это лучшее, да-да, лучшее, что он мог мне предложить! – Что-то не так?

– Спасибо! – я счастлива в простых мелочах. Снять туфли и сценическое платье с корсетом – что может быть лучше?

– Это всего лишь моя одежда, а не бриллианты от “Картье», – Волков удивляется моей реакции.

– Меня никто не держит в золотой клетке и не заставляет стоять на каблуках в ней на протяжении всей ночи, а возможно и утра, – смущенно улыбаюсь.

– Почему ты не пыталась сбежать от них? Характер у тебя крепкий, на самом деле, – его пытливый ледяной взгляд пробирает до дрожи. Кажется, что там много всего. Мое воображение...

– Пыталась. Поэтому испугалась, когда ты выкрал меня от них. Я слишком хорошо знаю, какое наказание за этим последует, – мне горько, ведь минута спокойствия в гавани Волкова скоро закончится. – И если мне позволено ходить в простом хлопковом костюме, есть еду и пить шампанское перед тем, как меня вернут обратно, то я буду радоваться каждой минуте своей мини-свободы.

– Но я же сказал, что ты обратно вернешься, – сурово поправляет меня Дмитрий, одновременно расстегивая на себе рубашку.

– Полина сказала, что Кантемировы предложат за меня обмен на твоего брата. Это прекрасное решение, и я не осуждаю, чтобы вернуть своего родного человека...

Говорю и слежу, как замороженная, за его пальцами и появляющейся полоской смуглой кожи в распахнутой рубашке.

– Хватит строить из себя жертву! – Волков злится на меня. И я не могу понять, почему? Его постоянно швыряет между заботой и грубостью.

И к моему потрясению, меня это отчаянно заводит.

– Мое слово – закон. Во всех смыслах. Слов я на ветер не бросаю. Ты останешься со мной.

– Полина не простит...

– Ты знаешь ее пару минут, а уже переживаешь за нее?

– Я не знаю почему, но мне хочется ее обнять и пожалеть.

– А рядом со мной что ты чувствуешь?

– Мои мысли мечутся между тем, чтобы бежать или...

– Или?

– Раздеться.

11. Сандра

– Интересно, – он расстегивает запонки с манжетов рубашки, засовывает их в карман брюк, а саму рубашку спускает с плеч.

– Что ты делаешь? – остолебенев от его непредсказуемости, мямлю я. Но и оторваться от его потрясающего торса не могу.

Его сила, спрятанная под одеждой, очень даже объяснима. Мышцы... они повсюду... стройной гармонией переплетаются под его кожей, наверняка очень горячей на ощупь.

От каждого движения Дмитрия, его тело анатомически, словно самый сложный механизм, демонстрирует цепочку действия. Иначе – бицепсы напрягаются, а мощная грудная клетка вздымается от частого дыхания.

– Раздеваюсь.

А звучит, как «издеваюсь».

– Язык – мой враг, – закатываю глаза и отворачиваюсь от него. От греха. Потому что у меня уже трясутся руки. И нет, мне не холодно.

Приподнимаю волосы и прошу:

– Расстегни мне платье. И развяжи корсет под ним. Иначе я кого-нибудь убью.

В эту игру можно играть вдвоем.

– Хм...

Ну, вот опять! Что у него с речью? Прокурор ведь, считай крутой адвокат, только на стороне закона. Должен же уметь говорить?

Или это он реагирует так на меня?

Да нет, с чего бы?

Он просто забавляется со мной.

А я – нет?

Зараза! Не просто расстегивает платье, но и сбрасывает его на пол, оставив меня лишь в корсете и нижнем белье в тон платью.

Дыхание сводит.

– Захотелось посмотреть, – я слышу в его голосе эти порочные нотки и не могу справиться с туманом в голове. – Красиво.

Жар наполняет мою грудь. Корсет сдавливает еще сильнее.

Дышать тяжело.

Его пальцы колдуют над шнуровкой корсета, пытаюсь его полностью развязать. На деле его можно было бы просто ослабить, но я не останавливаю Дмитрия. Его прикосновения даже сквозь ткань корсета обжигают.

Вместе с выдохом, из моей груди вырывается стон.

– Больно? Зачем так сильно затянули? У тебя же и без него офигенное тело.

Ругается? Ругается.

А от его грубого комплимента мурашки табуном скачут от макушки до источника возбуждения. Я с усилием сжимаю ноги и борюсь с головокружением.

Я давно не ела. И хотела бы что-нибудь выпить. Может, и в душ сходить, да.

Но инстинктивная, бессознательная и необъяснимая жажда требует другого. Чтобы руки Дмитрия касались меня, лаская и сжимая. Чтобы он сам проник в меня, глубоко, насколько можно...

– У тебя синяки от корсета, – шепчет он, освободив меня от инквизиционного предмета женского белья. И нежно касается кончиками пальцев особенно болезненных мест. – Одевайся. Я тоже пойду переоденусь. Спрошу у Полины, чем можно обработать. И ноги в кровь стерты, да?

– Я... не...

– Никакого насилия больше, Саша, – обещает он мне. – Физического, во всяком случае, – добавляет. И я не знаю, насколько это лучше того, что со мной происходило.

Я оборачиваюсь, но Дмитрия нет в комнате. Я слышу шорохи из гардеробной. Облизываю пересохшие губы.

Мы оба ходим по грани зачем-то. Не знаем друг друга, и я уж точно не в том положении, чтобы стелиться перед прокурором.

Но я не стелюсь.

Я просто не владею собой рядом с ним. Будто какой-то жгучий и бесстыдный туман накрывает.

И нет, это не последствие моего воздержания. Иначе я бы на каждого симпатичного мужика бросалась.

А вот Дмитрий просто... ему можно спокойно быть сексуальным маньяком-психопатом. Ни одна женщина не будет сопротивляться! Наверняка у него на кровати метки есть, чтобы со счета не сбиться! Как он там говорил? К нему приходят добровольно?

Со злостью пинаю свое платье. Чтоб их всех черти побрали! Ненавижу! Ненавижу!

Всех ненавижу! Родителей – за то, что бросили!

Для мужа – отдельный котел в моем личном аду!

Кантемировы? Я бы каждого поместила в клетку и тыкала ежедневно иглами, заставляя сломаться и прогнуться.

Натягиваю на себя чистую одежду Дмитрия, которая мне, естественно, очень просторна. Штаны на бедрах приходится хорошенько затянуть, чтобы не спадали, футболка тоже свободно болтается, но мне так хорошо!

Я ведь должна ненавидеть прокурора за то, что постоянно измывается, раздражает и...

Но не могу пробудить в себе негативные чувства к нему. Пытаюсь, но не могу!

Я иду в свободную ванну и умываюсь, тру свое лицо каким-то средством Дмитрия, смывая косметику и сценический макияж. Пусть посмотрит. Любуется, да!

Может, он так быстрее оставит меня в покое.

– Саша? – слышу стук в дверь ванной. Я даже не вглядываюсь в детали обстановки – мне все равно! Я вижу лишь себя в отражении зеркала. Красные, заплаканные глаза. Мешки, застарелые следы побоев, которые превосходно замазала гример. Ей платят приличный гонорар за ее навыки и, конечно же, молчание.

– Сандра! – кричу, сквозь рыдания.

Здесь нет Саши. Саша умерла! Ее растерзали и уничтожили!

Конечно, Волкову плевать на чужое пространство. Мое желание уединиться его вообще не парит! Вламывается, вырвав замок – силищи в этом мужике немеренно, хотя и не выглядит так, что кулаком стены проломить может. Но, кажется, может.

– Что случилось? – он ошарашенно смотрит на меня. На такую – невзрачную, побитую, стертую. Здесь нет Сандры Огнецвет. Здесь никого нет.

– Я не могу включить горячую воду. Она вообще есть? – из крана течет леденучая вода, даже на максимально красном индикаторе крана.

Дмитрий уже одет в простые джинсы и черную футболку, и я не знаю, что на нем смотрится сексуальнее – официальная одежда или простая, повседневная? Впрочем, и без одежды тоже...

– Есть. Хрень какая-то, – ругается он, трогая воду. Вырубает кран и нажимает на кнопку подсветки сзади огромного, шириной на две раковины, зеркала.

Я не сразу понимаю, зачем он это делает.

Он ловит пальцами мой подбородок и поворачивает лицо к свету.

– Это Кантемировы сделали?

– Максим Кантемиров. Константин не трогает меня, – дрожащим от рыданий голосом говорю.

– Ублюдок! Саш...

– Сандра!

– Саша, – настаивает Дмитрий. – Мне очень жаль. Наверное предложение отмечать Новый год с моей стороны крайне неуместно.

– Но я хочу есть. И хочу праздновать. Можно? – хоть что-то в этой жизни я могу делать? Что-то мне разрешено? Или я должна мучиться до самой своей смерти?

– Можно, – неожиданно для нас обоих, Дима обнимает меня, прижав голову к своему сильному плечу. И целует в макушку.

Мне впервые слишком хорошо и тепло. Будто я, наконец, дома.

Я прикрываю глаза от слепящего счастья.

Он становится для меня Димой?

12. Дмитрий

Я схожу с ума от Саши. Меня кроет от нее беспощадно.

Не управляю собой, почти. Зачем... зачем...

Я смотрю на обнаженную Сашу и зверею. Пальцами провожу по местам, где особенно сильно корсет стягивал ребра. Ее кожа сплошь покрыта синяками.

Убью! Уничтож-ж-жу! Всех тварей, кто причинил ей боль!

Я смотрю на ее потрясающую фигуру. Острое желание обладать вспышкой пронзает, но тут же грудь стягивает от невыносимой ярости! Я хочу рвать и кромсать. Не контролирую себя и словно сквозь толщу воды смотрю на то, как пальцы трансформируются, приобретая звериные когти.

Если останусь с ней, поцарапаю и без того тонкую кожу.

Саша – само воплощение хрупкости...

Птичка...

Спешно скрываюсь в ванной. Она не должна меня таким видеть!

Она даже фениксов не воспринимает. Думает, что это все происходящее вокруг объяснимо обычной человеческой логикой.

Все просто. А если сложно, нужно упростить. Нельзя допускать мысли, что невозможное возможно, иначе выстроенный мир верхушкой иерархии – Фениксами, потерпит крах.

Как сложно мне с ней. И просто одновременно.

Я рвусь к ней, слыша ее плач. А увидев ее лицо, покрытое синяками, едва снова не срываюсь. Но обнимаю ее. Так легче.

Не найдя способа лучше, чтобы успокоить нас обоих, я обнимаю ее, крепко прижимая к себе. Таю от ее близости. Вдыхаю запах ее. Особенный. Природный. Какой-то чистый и морозный.

От Саши веет холодом – она замерзла от ледяной воды, но я согреваю ее собой, своим телом. Не отдам ее никому. Моя она.

Вот и как ей это объяснить? А если узнает, кто я на самом деле?

И Полина наверняка уже знает, что птичка эта принадлежит мне без всяких компромиссов. Знает и то, что ни на какой обмен я не соглашусь, пусть это и выглядит так, будто я от брата отказываюсь.

Она не знает, о чем я говорил с Кантемировыми.

А как Саша удивится... понимаю, что подобный спектакль она не оценит, но это лучше, чем возвращаться в золотую клетку к фениксам.

– Я хочу праздновать, – дрожащим голосом щебечет Саша. – Можно?

– Можно, – улыбаюсь ей, заглядывая в ее яркие голубые глаза.

Да... ей можно все. Я подарю ей весь мир. Сотру в порошок любого, кто попытается причинить ей боль.

Понимаю, что со мной происходит. Но внутренне, пока что, бунтую против своей природы, хоть и глупо это.

Приказываю себе не трогать ее губы и не рвать на ней одежду. Вместо этого касаюсь в поцелуе ее макушки. Если бы Саша знала, если бы знала...

Монстр внутри превращается в милого пушистика рядом с ней. И я правда, физически ни за что не смогу причинить ей боль.

Но морально... морально нам еще предстоят испытания.

Сражения...

Мы спускаемся обратно в гостиную. Полина тоже там.

– Не спишь? – интересуюсь у нее. Конечно, я веду себя как скотина, но рядом с Сашей не могу соображать.

Птичка в приоритете. Все остальное – неважно.

– Я знала, что вы вернетесь. Поэтому ужин вам не принесли. Я немного отдохнула и вернулась. Ненадолго. Мешать не буду, – она подмигивает, улыбаясь.

Держится молодцом, несмотря на всю неопределенность с Сергеем. Она еще и беременна. И мне бы беречь ее...

– Как тебе мой наряд? – крутится перед Полиной Саша, приседая в реверансе и оттягивая, словно юбку, спортивные штаны.

– Выглядишь богемно! Как никогда! – смеется Полина. – Прости меня за то, что наговорила.

– Все в порядке. Я понимаю тебя.

Я не знаю, разве можно быть такой великодушной и щедрой на эмоции, как Саша? Она же не жалеет себя, спалит всю себя, не оставив себе... себя...

– Что ж, хотя и поводов для радости немного, но давайте отпразднуем? Куранты пробили и желание не успели загадать, но я предусмотрительно сохранила видео, – Полина берет пульт от телевизора, занимающего одну из стен гостиной, и включает запись новогодних пожеланий от верхушки власти.

– Ты запись курантов включишь сейчас, что ли? – смеюсь я над Полинкой. Наивная, как дитя. И это добавляет мягкость и доброту в нашу с Сергеем жизнь.

Очень надеюсь, что смогу вытащить брата. Если Сандра Огнецвет – наш ключ к разрушению власти фениксов, то вскоре мы воссоединимся всей семьей.

– Не, ну а что? Почему мы должны зависеть от времени? Пусть время зависит от нас, – хихикает Полина.

Я поворачиваюсь к Саше, беря ее ладонь в свою.

– Шампанское налей, Дим. А мне сок, только водой разбавь, – распоряжается Полина.

Но в этот момент происходит нечто странное.

Время будто замедляется. Полина еле шевелится. Я различаю мерцание гирлянды на елке. Волосы Саши скользят ей на лицо. Я могу сосчитать по секундам момент, как она моргает.

Но сам взгляд ее осмысленный. Быстрый. Быстрее этого времени. Также как и я в ее коконе. В клетке вместе с ней.

Не выдерживаю и моргаю.

Время вновь движется с прежней скоростью.

Что это сейчас было?

В недоумении иду к праздничному столу в столовой. Саша не отходит от меня ни на шаг.

– Саш, помоги мне, пожалуйста, – прошу ее, вручая два бокала для шампанского ей в руки. – У тебя не было сейчас такого странного ощущения времени, будто...

– Все замедляется? – тихонько спрашивает меня. – У меня часто такое бывает, когда я захочу запомнить счастливые мгновения. У меня их не так много. Извини, я бывает, зависаю. Не хотела тебя пугать.

Что за, нахрен, такое – «зависаю»? Я отчетливо находился в замедленной съемке. И держа за руку Сашу, во всей мере испытал на себе эту «заморозку».

Но до меня доходит еще и то, что этот момент – здесь и сейчас – счастливый для нее.

Тем большим ублюдком я себя чувствую.

13. Сандра

Это первый Новый год за долгое время, который я отмечаю. Не просто отмечаю, а нахожусь в психологической и физической безопасности.

И это так странно.

Мои похитители шутят и веселятся. А я, вместе с шампанским, пытаюсь впитать в себя новые воспоминания, которые обязательно буду бережно хранить.

Я почти не сомневаюсь – Кантемировы найдут меня и не посмотрят даже на должность и власть Дмитрия. Он – маленькая песчинка, решившая сражаться с океаном.

Мой муж не особо любил Новый год. Считал это проявление слабостью человеческого бытия. Он – известный ученый. Потому очередной оборот вокруг солнца не считал праздником. А елки и радость для него были чем-то вроде отголосками язычества и проявлением недалекого ума.

Я втайне от него, работая в школе, создавала праздник для детей, радовалась елке у себя в кабинете и со слезами на глазах принимала от учеников мандарины.

Как же давно это было...

– Тебе почистить мандарин? – весело интересуется Дмитрий, заметив, что я таращусь на украшенную еловыми ветками корзинку с оранжевыми фруктами.

– А они сладкие? – с надеждой спрашиваю у прокурора.

– Давай попробуем, – тихо предлагает, опустив взгляд на мои губы. Мы сидим рядом. И эта близость то нервнрует, то возбуждает. У меня все внутри покалывает и искрится от ауры этого мужчины.

– Пожалуй, мне пора спать. Очень сильно устала, – отвлекает нас Полина.

Я смущенно улыбаюсь ей.

И невольно напрягаюсь.

Одно дело заигрывать с мужчиной в присутствии других людей.

Другое – когда мы останемся с ним наедине. В его спальне мы ходили по тонкой грани. Но сейчас я отдохнувшая и расслабленная. И слегка пьяная. Несложно предположить, куда это все меня заведет.

– Спасибо, Полина, тебе за все, – искренне благодарит ее Дмитрий. – Тебя проводить наверх?

– Перестань. Я беременная, а не больная. Развлекайтесь. Спокойной ночи вам, – она подмигивает, уходя.

– Спокойной ночи, Полина, – бубню в ответ. От ее намеков мне совсем волнительно.

Когда Полина покидает нас, мы несколько мгновений сидим молча.

– Может, переместимся на диван? Я камин разожгу, хочешь? – предложение Дмитрия звучит очень заманчиво. И, конечно, я соглашаюсь.

Пока он разжигает камин, я переносу на маленький журнальный столик мандарины, десерты, легкие закуски и шампанское с бокалами.

Почувяв запах горящего дерева, я прикрываю глаза от удовольствия. Вместе с шампанским и запахом живой ели, занимающей центр гостиной в доме Волкова, камин и теплое пламя создают особую новогоднюю атмосферу.

– Ты – прелесть, – улыбается искренне и по-настоящему Дмитрий. Мне кажется, он редко это делает, а потому кажется, будто он сияет. Он устраивается рядом со мной и разливает шампанское по бокалам.

– Никогда не бывала в деревне, но часто воображала, какого это – домик в лесу, пламя в камине и уютная компания, – я тоже улыбаюсь, потому что – мне хорошо! По-настоящему. Даже если эта картинка продлится недолго.

– Днем здесь сногшибательный вид. Сосновый лес, и речка позади, – он указывает рукой на темное из-за непроглядной тьмы панорамное окно во всю стену.

– Но сейчас от него жутко, – с детства боюсь темноты. Боюсь тех, кто в ней прячется, хоть и не верю в это.

– Какая разница, что там?

– А вдруг монстры существуют?

– Существуют, но... – он замолкает и делает глоток шампанского.

– Что – но? – пусть это бессмысленная тема для разговора, я все равно не люблю, когда не договаривают.

– Гораздо страшнее, когда монстры находятся у всех на виду, и ты не ожидаешь от них подвоха. К спрятанному в темноте чудовищу ты готов намного больше, – он ставит бокал обратно на журнальный столик и берет мандарин. – Ну, что, попробуем?

– Не буду, – мотаю головой. В серо-голубых глазах Дмитрия пляшут чертики. Он не понимает слова «Нет». Не от меня точно.

– Почему? – он с энтузиазмом отделяет кожуру от сочной мякоти. До меня доносится характерный мандариново-хвойный запах. Я вдыхаю его и невольно облизываю губы. Мой рот невольно наполняется слюной, хотя я не голодна.

– Боюсь разочароваться. Нет ничего хуже разрушенной надежды. Ты ведь ждешь, что он сладкий, а он может оказаться кислее лимона, – смеюсь, но и оторваться от его ловких и сильных пальцев не могу.

Я совсем поехавшая! Но возбуждаюсь...

Вначале он накрывает целый мандарин рукой, затем срывает пальцами в меру мягкую и терпкую кожуру – явный признак спелости фрукта. Другой рукой помогает себе – крутит так, как ему нужно, в самой удобной позе. А оторвав последнюю ленточку кожуры, проникает большими пальцами в отверстие и разламывает сочный, полностью созревший фрукт, а в ответ Дмитрий получает внезапные брызги, оставляющие след на его сильных руках.

У-у-ух! Сандра! Ты больная!

Ерзаю.

Моя фантазия заводит меня слишком далеко. Кажется, я никогда не думала, что поедание фруктов может быть столь эротичным!

Горячая волна прокатывается по моему животу.

Дмитрий не сводит с меня глаз. От него исходит жар. Мы не касаемся друг друга, но я все равно это чувствую.

– Я попробую первым, чтобы ты не разочаровалась, – он отделяет одну дольку и кладет себе в рот. – М-м-м. Невероятно сладкий, Александра.

Он с придыханием произносит мое имя.

– А если ты меня обманываешь? – не верю я ему, борясь с порхающими бабочками в моей груди, но он уже отрывает следующую дольку и снова кладет себе в рот.

Я не могу отвести взгляда от его губ. Запах любимых фруктов и этот мужчина сводят с ума.

– Эй! Ты так все съешь! – возмущаюсь я, когда и третья долька отправляется туда же.

– Я мужественно доказываю тебе, что слаще этого мандарина ничего нет!

– Дай сюда! – ловлю его руку с мандарином. Но он не сопротивляется. А подносит к моему рту сочный фрукт. Я раскрываю губы. Он кладет дольку мне на язык.

Я осторожно прокусываю зубами мандариновую мякоть.

Вначале мне хочется зажмуриться от кислоты – это нормально после шампанского. Но вслед первому ощущению, врывается сахарная и ароматная сладость.

– Это и правда очень сладкий мандарин, – жуя с наслаждением, выношу свой вердикт дегустатора.

Дмитрий забирает бокал из моих рук и ставит на журнальный столик. Затем притискивается ко мне так близко, что наши бедра соприкасаются, а я чуть отклоняюсь.

– Уверен, есть у нас тут кое-кто еще более сладкий.

– Дима? – пишу, наблюдая, как его губы неумолимо сближаются с моими.

– Мне нужно срочно попробовать, – шепчет он в мой уже полураскрытый рот.

Я не могу сопротивляться. Да и не хочу.

– А если ты будешь разочарован? – осторожно глажу его по лицу. Он, чуть в напряжении, прикрывает глаза и целует мою раскрытую ладонь, потираясь об нее.

– Я готов рискнуть, Саша, – объявляет он, прежде, чем накрыть мои губы своими.

14. Сандра

Никакой алкоголь не сравнится с дурманом, накрывшим меня от поцелуя с Дмитрием. Его губы, вопреки его характеру, касаются моих мягко, нежно, но настойчиво.

Я прикрываю глаза и легонько поддаюсь. Мои руки не принадлежат мне. Мне нестерпимо хочется быть ближе к этому мужчине. Прижаться к нему всем телом. Забыть, кто и я и как меня зовут. Отдаться полностью вихрю эмоций, пробуждающихся внутри меня.

– Саша... Саша... – стонет мое имя Дима, прервав поцелуй, чтобы набрать побольше воздуха в легкие.

Мне нравится в этом решительном мужчине все – и внешность, и эмоции, и принципиальность, и страсть. В нем всего так много... что вдоволь хватает на нас двоих.

Я падаю на диван и тяну Дмитрия за собой. В его взгляде я замечаю опасное голубое мерцание, очень непохожее на обычный цвет его глаз. Но, может, это мне показалось?

Размышлять об этом некогда. Дима целует меня вновь, но уже напористее. Он раскрывает мои губы и властно проникает языком в мой влажный рот. Я отчетливо ощущаю вкус мандарина кончиком языка. Но не только его... Природный и живой вкус Дмитрия кружит мне голову. Я подаюсь навстречу, выгибаясь и царапая его шею.

Я не понимаю, как он целует меня нежно, и одновременно грубовато, оттягивая губы зубами, царапая мою шелковистую кожу на лице щетиной. Его язык устремляется с каждым разом все глубже, смешивая нашу слюну и отчаяние.

Отчаяние. Это то, что нас объединяет. Я считываю в его глазах и поведении такой же глубинный страх, как и у меня – не увидеть завтрашний день. Я боюсь возвращения в клетку Фениксов, а он уже нарушил все, что можно. Мой отважный мятежник. Я боюсь думать о том, какое наказание его ждет, если Фениксы узнают, что Дмитрий Волков, прокурор, пошел против верхушки власти.

Я могу его потерять.

Осознание ускоряет мое сердце, разжигая кровь, усиливая мое осязание. Я словно оголенный нерв. Дмитрий – тоже. Он закидывает мои ноги себе за спину и вдавливаются в меня, демонстрируя свое абсолютное возбуждение.

Воздух наэлектризован, а кровь бурлит, как шампанское в бокале.

Губы горят, мы дышим друг в друга. И оба не похожи на тех, кто обладает холодной выдержкой.

Первой на пол летит его футболка. Дмитрий нетерпеливо скидывает ее с себя, а я облизываю горящие огнем от его поцелуев губы. Дмитрий идеально сложен. Я никогда не видела мужчину такого телосложения. Чтобы так близко... чтобы касаться...

Позволяю себе провести рукой по его плечам и бицепсам, бугрящимся от напряжения. Я невольно исследую его массивную широкую грудь и спускаюсь ниже по его прессу и идеальным кубикам. Я не верю себе, хотя и глажу его атласную горячую кожу.

– С огнем играешь, птичка, – предупреждает Дмитрий зачем-то. Его вены пульсируют, а мышцы перекачиваются каждый раз, когда я их касаюсь. Я и так знаю – мы падаем в пропасть, из которой нет выхода.

– А ты попробуй... – почти предлагаю ему себя, но тут же осекаюсь, смущаясь. Веду себя, как развязная и опытная, но на самом деле, я изголодавшаяся по нормальному человеческому общению женщина. И по сексу в том числе...

– Что же я должен попробовать, Саш? – хрипло спрашивает меня, порочно улыбаясь. Все он знает!

– Сжечь меня, – на выдохе прошу, потому что его руки пробираются мне под футболку и приподнимают ее.

– Я попробую, – обещает он мне, сбрасывая с меня одежду. – Если ты не спалишь меня раньше.

Я лежу перед ним полуобнаженная. Инстинктивно прикрываю ладонями грудь, но Дима мягко отводит мои руки.

– Здесь нечего прятать, Саша. Тем более, от меня.

Он обводит языком мои чувствительные вершинки. Я слышу влажные звуки, чувствую его губы на своем теле и, кажется, схожу с ума. Сама вжимаюсь в его пах. Рву пальцами его мягкие волосы на затылке.

– Пожалуйста... – молю, не зная о чем. Пусть прекратит это или... никогда не останавливается.

У меня кровь закипает в жилах. А яростное желание, вспыхнувшее с острой и почти взрывоопасной силой, отключает мою способность ясно мыслить.

Но Дима и не позволит мне думать, пока я таю под его ласками. Наши лица вновь друг напротив друга, и он целует меня на этот раз почти беспощадно.

Я теряюсь в пространстве. Взрываю вверх – это он берет меня на руки и несет куда-то, не прерывая поцелуя. Но не в спальню – нет, мы слишком распалены для этого.

А еще мы оба боимся передумать. И это обязательно случится, если мы промедлим хотя бы секунду.

Он опускает меня на пушистый ковер возле камина, сминая мои губы до боли. Стягивает с меня спортивные брюки – это несложно, ведь они Димины и явно мне не по размеру. Куда-то в неизвестность отправляются и мои трусики. Его рука накрывает мое жаждущее лоно, разжигая меня все сильнее и сильнее. Я обнимаю Диму и пытаюсь крепко прижать к себе, но он сопротивляется и нетерпеливыми пальцами доводит меня до яркой вспышки финала. Дрожу, держась за сильные плечи мужчины.

И кричу, кажется, тоже... Натягиваюсь и рвусь, как небрежно натянутая струна.

– Дима! – выдыхаю его имя, испытывая феерическое наслаждение.

– Держись, милая, это только начало, – жарко шепчет мне на ухо, покусывая мочку уха.

– Дим... мы здесь... а если услышат, – тяжело дыша беспокоюсь об остатках своего целомудрия.

– Это мой дом. Здесь все лишние, кроме нас. Их проблемы, пусть слушают, – шутит он, целуя меня в шею. – Я очень хочу тебя. Здесь. На ковре. У камина. Позволь мне...

– Сделай это уже, – ругаюсь и шиплю, когда его рука сжимает мою грудь, разжигая очередные искры по моему безвольному телу.

– Скажи, что позволяешь, эйнари, – молит он меня.

– Позволяю, – сдаюсь окончательно. Зачатки любопытства колышутся во мне – почему он спрашивает, когда я растекаюсь под ним плавленной лужицей? Что значит «эйнари»?

Но я напрочь теряю голову, когда этот великолепный мужчина снимает с себя остатки одежды и опускается на меня, касаясь своей кожей, вдавливаясь всем телом, разрывая мое сердце от внезапного и необъяснимого счастья. Он медленно, но отчаянно глубоко проникает в меня, соединяясь со мной воедино, сжигая нас обоих до тла, и наполняя меня счастьем...

15. Сандра

С неохотой открываю глаза от яркого солнечного света. Лениво потягиваюсь в теплой и мягкой постельке. Минуту соображаю, где я нахожусь. Разглядываю уютную обстановку спальни. Широкое окно, практически во всю стену, открывает красочный и живописный вид на заснеженный хвойный лес. Солнечные лучи умудряются пробиться через острые кроны сосен и кедров.

Вот это да!

Приподнимаюсь, и вижу за соснами небольшую речку. Она еще не замерзла, потому что зима в Москве и области в этом году аномально теплая. Лишь вечер и новогодняя ночь порадовали снегом, который сейчас изящно лежит на сухой траве и хвойных ветках.

Дима говорил, что днем из дома открывается потрясающий вид. И не обманул!

Дима... Не могу перестать улыбаться. Щеки болят от эмоций. Испытываю какое-то необъяснимое стеснение и неловкое счастье. Я прячу голову под одеяло в темно-сером под-одеяльнике.

Вспоминаю, что мы с Димой вытворяли этой ночью и... слов нет! Какая же я...

Какая? Счастливая? Одурманенная?

Вытаскиваю голову обратно наружу.

– Солнце, ты смотришь на меня с упреком или радостью? – абсолютно бессмысленно обращаюсь к падающим на меня лучикам. Жмурюсь и перекатываюсь на то место, где рядом со мной лежал Дима. Вдыхаю до невозможности приятный запах. Дима...

Ночью страсть накрыла нас, окутала, как одеяло. Этому невозможно было сопротивляться. Это нельзя было остановить. Мы позабыли о любой осторожности. Нежность, порой, сменялась жадным голодом. Но нам все было мало и мало...

Я до сих пор ощущаю горячие руки и обжигающие поцелуи Дмитрия и окончательно краснею. Вроде бы взрослая женщина. И даже замужем была.

Так необыкновенно и потрясающе хорошо мне лишь сейчас – впервые в моей жизни. Я помню, как пламя камина отражалось в его глазах... он шептал мне слова любви и подарил мне чувство, что я единственная и неповторимая. Да я и сама цеплялась за своего мужчину так, будто если отпущу его – упаду в пропасть.

Интересно, где он? И все ли хорошо?

Дмитрий, наверное, думает обо мне как об озабоченной... но хоть и давно у меня не было мужчины, я никогда такой потребности в сексе не испытывала!

В сексе?

Боюсь нафантазировать себе что-нибудь несуществующее... но... что это если не любовь?

Брось, Сандра! Ты не знаешь этого человека! Знакома всего ничего!

Разве тело и его ласки могут врать? А его эмоции и чувства, которые словно сочились через его кожу?

Жаль, что его нет рядом. Я бы очень хотела заглянуть в его глаза. Услышать его голос и... может, он специально оставил меня, боясь, что мы можем зависнуть в кровати до бесконечности?

Я, наконец, выбираясь с постели и потягиваюсь во весь рост, встав на носочки.

В этот момент дверь из ванной открывается, и оттуда выходит Дима в одном лишь полотенце, обмотанном вокруг бедер. Он застывает на месте. Я тоже.

– Вот это вовремя я появился! – его улыбка порочно растягивается, а в обычно холодных глазах вспыхивает знакомый огонь.

Я пулей падаю обратно на кровать и закручиваюсь вместе с одеялом в рулет.

– Саша! – Дима смеется и движется ко мне. Я вытаскиваю макушку головы и глаза из-под одеяла, чтобы не пропустить шикарный вид на то, как влажные капли после душа стекают по рельефной груди моего великолепного мужчины.

Моего?

– Взяла и спрятала красоту! – шутливо ворчит он, раскручивая меня из одеяла.

– Я думала ты ушел и я в спальне одна.

– Белочки и прочая живность за окном порадовалась. Так нечестно! Я тоже хочу!

– Дима! – пытаюсь сопротивляться, но разве это возможно? Особенно когда он покрывает поцелуями мои шею, плечи и спину, спускаясь ниже. Наконец, он поворачивает меня лицом к себе.

Я сдуваю волосы, закрывающие мне обзор на шикарного Диму.

– Роскошная, – Дмитрий обводит взором мое тело, поднимаясь с кончиков пальцев на ногах и выше по бедрам, животу и груди... Он будто касается меня, ведь в тех местах, на которые он смотрит, поднимается нестерпимый жар. Наши взгляды встречаются.

Я облизываю пересохшие губы.

– Необыкновенная. Солнце любит тебя, Саш.

Лучи падают на его лицо и глаза тоже. И я слышу в его словах гораздо больше смысла.

– Спасибо тебе, – благодарю его, смущаясь. Он наклоняется и легонько целует меня в щеку.

– Я еле сдерживаюсь, – он опалает мое лицо дыханием с запахом мяты. – Но еще предстоит важное дело. Позволь я просто полюбуюсь тобой.

Я слышу в его голосе какую-то безысходность, и она пугает меня, но я тут же забываю обо всем, стоит ему примкнуть к моим губам в требовательном поцелуе. Я прикрываю глаза и отдаюсь на волю наших чувств.

Дмитрий кружит мне голову собой. Зажигает меня.

А я так ему благодарна! За страстную ночь. За это счастливое утро. За счастье в моей душе. Я забыла, а может, никогда и не знала, как это бывает?

У меня кроме мужа не было мужчин, а он был скуп на чувства и эмоции. Настолько, что поступил со мной как последний подонок.

И Дима он... он... другой!

Сколько лет я не просыпалась вот так? Сама? Просто потому что выпалась? Не по требованию, не по режиму...

– Рано плакать, Саш, – шепчет Дима отрываясь от моих губ.

– Это я от счастья, – глажу его по лицу, запоминая его черты не только глазами, но и пальцами, на ощупь.

– Режешь меня без ножа, милая, – глухо стонет он и приподнимается с меня. – Мне пора. Ты тоже потихоньку приводи себя в порядок и спускайся. У нас будут гости.

16. Сандра

Я с удовольствием наблюдаю сквозь проем двери в гардеробной, как одевается Дмитрий. Белая рубашка, хрустя, покрывает его широкие плечи и сильную спину.

– Подсматривать нехорошо, – шутит он, застукав меня с поличным. Я, хихикая, ускользаю от него в ванную.

Первое, на что обращаю внимание – большая ванна, наполненная до самых бортиков теплой водой с пеной.

Да что ж такое! Не могу перестать улыбаться. Неужели, я не сплю и обо мне по-настоящему заботятся?

– Я подумал, что ты захочешь немного понежиться в ванне, – Дмитрий заглядывает ко мне, а я неосознанно прикрываю грудь руками, стесняясь своей наготы. – Саш, я тебя видел всю, – напоминает мне и подмигивает. Он подходит ко мне и берет за руку. Позволяет опереться на него, когда я становлюсь в ванну и погружаюсь в воду.

Дима присаживается на корточки и облокачивается на бортики ванны.

– Мне нужно идти. Ты позволишь Полине помочь тебе? Она принесет наряды и приведет стилистов.

Я прикусываю нижнюю губу.

С удовольствием приняла бы сейчас ванну с Димой. И провалялась в постели в его объятиях.

– Саш, будешь так смотреть на меня, и гости останутся очень недовольны нашим с тобой отсутствием, – предупреждает меня с хрипотцой в голосе.

– Почему это так важно для тебя? И кто они?

– Полина все объяснит. Мне пора. Не переживай, все будет хорошо.

Я наклоняюсь через бортик ванной и ловлю небрежно его губы в поцелуе. Дима же отвечает со всей страстью, но чтобы сильно не разжечь нас, резко встает, поправляя рубашку, рукава и часы на запястье.

Он выглядит безупречно. И в самых смелых фантазиях не могла представить, что в моей жизни появится такой мужчина. Дмитрий смотрит на меня пронзительно и долго. Я тону в синеве его глаз.

– Хорошо. Если ты доверяешь Полине, то я тоже, – соглашаюсь на его предложение.

– Я не доверяю никому, Саш, – застегивая воротник рубашки, проговаривает он. – Это издержки моей профессии.

– И мне? – мысленно ругаю себя за этот вопрос. Мы знакомы всего ничего – о каком доверии идет речь?

– Пока что именно ты не доверяешь мне. Но мы обязательно это исправим. Чуть позже.

– Ты не ответил на вопрос, – напоминаю ему, чтобы он тоже был честным.

– Ты сама знаешь на него ответ. А если нет – то скоро узнаешь.

Он уходит, прежде чем я начну требовать расшифровки его загадок.

Вот же каков, а!

Но и да, сердце замирает в его присутствии. Конечно он мне доверяет. Иначе бы вернул Кантемировым и сделал вид, что ничего не было. Напротив, Дмитрий защищает меня, прячет. Даже готов отдать отпор любому, чтобы спасти меня.

Уже после того, как я откисаю в ванной и отмываюсь дочиста, ко мне приходит Полина с вешалкой в руке, на которой в сером чехле висит подготовленный для наряд. За ней следует здоровый мужчина в черном костюме и рубашке – похож на телохранителя. В руках у него несколько брендов. Он заносит их в спальню и оставляет нас с Полиной вдвоем.

– Ого, что это? – спрашиваю у Полины, завернувшись сильнее в махровый темно-синий халат Димы.

– Дмитрий сам выбрал это платье для тебя, – в восхищении объявляет Полина и раскрывает чехол с платьем.

– Когда он успел? – хлопаю глазами. Поражаюсь многозадачности этого мужчины.

– Ну, если он сильно увлечен, то находит время, – подмигивает Полина. – Вижу, он вскружил тебе голову?

– Надеюсь, это взаимно, – смущенно бормочу, не в силах скрывать улыбку.

– Еще как! Я, кажется, никогда не видела его таким... – Полина замолкает, не договорив предложение. Она погружается глубоко в себя на секунду, а потом вдруг мотает головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Что такое? – спрашиваю у нее, беспокоясь.

– Ерунда. Привиделось кое-что, – отмахивается от моего вопроса и достает из чехла роскошное платье. Оно длинное, в пол, очень лаконичное, из льнящегося матового шелка с плотным корсетом-бюстье.

– Зачем это? – платье на самом деле бесподобное, и я боюсь представить, сколько оно стоит. В моем воображении тут же всплывают ассоциации с подвенечным платьем. Глупости! Скорее всего Дима захотел контраста со своим черным костюмом. Ну, или это напоминание о новогодних праздниках, снеге и радости.

– Сегодня придут очень важные гости. Ты должна выглядеть идеально и по-королевски шикарно. Дмитрий рассчитывает, что мы окажем самый высокий прием.

– Неужели гости такого высокого уровня?

– Очень высокого, – подчеркивает Полина.

Сглатываю. Я бы меньше всего хотела бы предавать огласке свое присутствие в доме прокурора Волкова.

– Не слишком рискованно для моей... конспирации? – пытаюсь подобрать слово уместнее, но тщетно.

– Тебе придется научиться доверять, Сандра. Дмитрий ничего не сделает тебе во вред. Это противоестественно по отношению к тебе.

Дима обещал, что Полина мне все объяснит и расскажет, но она сама говорит загадками, запутывая меня еще больше.

– У нашего прокурора достаточно власти, чтобы защитить свою любимую женщину и весь свой клан, – дополняет свой ответ Полина.

Любимую женщину... это она обо мне? Сердце грохочет. Любимую? Я – его любимая? За сутки в нем раскрылось такое глубокое чувство? Но разве это поможет защитить меня?

– Если Дмитрий так силен, то что ему мешает спасти собственного брата? – да, я беспокоюсь. Дима отхватит из-за меня проблем, которые он будет разгребать очень долго.

Но задавая этот вопрос, я совсем забываю о том, что брат Дмитрия, Сергей – муж Полины. Мне становится неловко и немного стыдно, что я ворошу болезненную тему.

– Сергей, вероятно, узнал какую-то особенную и важную деталь, касающуюся уязвимости фениксов. Ты – очень важный ключ к тому, чтобы победить фениксов. Поэтому они никогда не позволят встретиться тебе и Сергею.

– Вряд ли сами Фениксы что-нибудь знают, кроме того, что им нравится мой голос.

– Проверять они не будут. Поэтому они вернут Сергея только при одном условии.

– Чтобы я вернулась в клетку?

– Чтобы в клетку я отправилась вместе с тобой.

17. Сандра

– Не понимаю, – вырывается из меня. – Как это все связано и зачем ты им нужна?

– Я – экстрасенс, Сандра. Я вижу прошлое, настоящее, будущее. Я вижу вероятности событий, понимаю, как на них повлиять, чтобы изменить ход истории. Еще я – эмпат. Я читаю мысли людей, если в них достаточно эмоций и переживаний, – открыто заявляет Полина.

Если вчера я думала, что это шутки или какая-то странная игра, то сейчас все сомнения отпадают.

Что происходит? В каком мире я нахожусь?

– Вижу, что ты веришь мне. Но с трудом принимаешь изменившуюся парадигму твоей реальности, – мягко улыбается Полина. – Сандра, в тебе самой не просто ключ, но, наверняка, какая-то сила, способная изменить весь миропорядок.

– Я не верю в это, – шепчу, мотая головой.

– Веришь. Веришь, – Полина протягивает руки вверх и кладет ладони мне на голову. – Ты все видишь, все замечаешь. – Ее голос понижается и слова льются, словно древняя песня. – Когда ты поешь, то становишься для них сиреной, зовущей за собой. Манишь их. Они боятся тебя. Знают. Знают. Знают, что ты можешь управлять ими, вести их. Поэтому им важен контроль над тобой. Ты птичка в клетке, которую нельзя выпускать. Ты видела кроваво-красное пламя экстаза в их глазах, когда тебе больно. Золотом, которым они владеют, они управляют тобой, подчиняют себе. Ты знаешь, Сандра, ты все знаешь, что мир не тот, который тебе внушили. Ты другая, Сандра. Ты другая. Ты как феникс, только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.